

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

HARLEQUIN®

Стелла Богузал
**ПОБЕЖДЕННЫЕ
ЛЮБОВЬЮ**

Annotation

Известная пианистка Анна и ковбой Мигель, который служил у ее родителей, до встречи друг с другом пережили тяжелое разочарование в любви и не верили в возможность снова быть любимыми и счастливыми. Однако неожиданно вспыхнувшее между молодыми людьми сильное чувство смело все преграды, стоявшие на пути к их счастью.

- [Стелла Бэгуэлл](#)
    - [Глава ПЕРВАЯ](#)
    - [Глава ВТОРАЯ](#)
    - [Глава ТРЕТЬЯ](#)
    - [Глава ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [Глава ПЯТАЯ](#)
    - [Глава ШЕСТАЯ](#)
    - [Глава СЕДЬМАЯ](#)
    - [Глава ВОСЬМАЯ](#)
    - [Глава ДЕВЯТАЯ](#)
-

Стелла Бэгуэлл
Побежденные любовью

Глава ПЕРВАЯ

Анна Мердок Сандерс погрозила пальцем нервничавшей кобыле.

— Джинджер, чувствуя, что этот жеребец не доведет тебя до добра. Он получит то, что хочет, и был таков. Поверь мне, уж я-то знаю. Я зареклась иметь с мужчинами дело.

Кобыла продолжала призывающе смотреть на жеребца, гарцающего от нее невдалеке.

Слова девушки услышал Мигель Чейз. Обернувшись, он увидел, как она устраивала седло на спине своей кобылы. Высокая и худенькая, с рыжими волосами.

Наверное, это дочь хозяина. Хотя Мигель никогда не видел ее, но часто слышал, как Хло и Виатт Сандерс говорили о ней. Анну и Адама, ее брата-близнеца, Хло и Виатт усыновили в младенческом возрасте. Их родителями были отец Хло и сестра Виатта. Оба они умерли вскоре после рождения близнецов.

Адам был занят в нефтяном и газовом бизнесе своего отца. Анна была пианисткой, много путешествовала по Штатам и за границей в составе большого симфонического оркестра. Ей нравились аплодисменты, восхищение публики и сверкание сценических огней.

Мигель не знал, что она вернулась домой. Наверное, ей что-то потребовалось от родителей. Такие девушки, как она, всегда избалованы. Это он знал по собственному опыту.

Покашляв, чтобы дать понять девушке, что она не одна, Мигель подошел к ней. Анна вскинула на него глаза.

— Привет, — холодно сказала она, изучающе оглядев его с головы до ног. Перед ней стоял незнакомый высокий ковбой. Она не встречала его раньше, такой мужчина ей бы запомнился. — Вы один из ковбоев моей матери? — спросила она.

Он протянул ей руку и с легким мексиканским акцентом произнес:

— Я Мигель Чейз, старший на этом ранчо. Мне кажется, вы не убедили Джинджер в том, что все мужчины плохи. Она все еще интересуется тем жеребцом.

Анна покачала головой и неохотно пожала протянутую руку.

— У нее это увлечение скоро пройдет.

Мигель ничего не ответил, только удивленно поднял брови. Несомненно, у этой женщины бывали увлечения, но всякий раз проходили. С такой внешностью у нее наверняка от поклонников отбоя нет.

Непрошенная мысль заставила его быстро отпустить ее руку, но отвести взгляд от ее лица он не смог.

Гладкая кожа цвета слоновой кости свидетельствовала о молодости и о той заботе, с которой ее оберегали от загара. Уголки полных розовых губ чуть подняты. Прямой аристократический нос и светло-зеленые глаза — цвета весеннего осинового листа. Мигель видел женщин и красивее, но что-то в ней возбудило его мужской интерес. Однако холодный взгляд ее глаз недвусмысленно дал ему понять, что она не для него, как, впрочем, и не для кого-то другого.

Каштановые брови Анны непроизвольно сдвинулись, когда она заметила, как цинично изогнулись его губы. Неизвестно, о чем думал этот мужчина, но если он думал о ней, то явно что-то не слишком приятное.

— Я не знала, что мама наняла нового старшего, — сказала она.

— Я работаю здесь почти год, — ответил он.

Легкий румянец окрасил ее щеки с высокими скулами.

— В последние месяцы я приезжаю домой только по праздникам, — призналась она.

Концерт за концертом постоянно заставляли ее откладывать поездки домой. А тут еще

встреча со Скоттом вскружила ей голову. Слава богу, что ей удалось преодолеть это увлечение и отменить свадьбу до того, как отец истратил бы огромные деньги на свадебную церемонию. Она чуть не загубила свою жизнь из-за человека, который никогда на самом деле не любил ее.

— Мне не нужны объяснения, мисс Сандерс, — ответил Мигель. — Я и не думал, что вам известно о моем существовании. Я просто ваш работник.

«Он дерзит или говорит искренне?» — подумала Анна, изучающе всматриваясь в загорелое лицо под полями соломенной шляпы. Возраст Мигеля определить не удалось, на вид ей показалось, что ему лет 35. Худощавое, угловатое лицо и напряженный взгляд темно-карих глаз с зелеными и коричневыми искорками под густыми черными ресницами не обращали так на себя внимание, как его губы. Тонкая и жесткая верхняя и полная, чувственная нижняя. Губы настоящего мужчины. У Анны вдруг промелькнула мысль: сколько женщин целовало их?

Она с трудом оторвала от них взгляд. Что это на нее нашло? Она никогда так не рассматривала мужчин, а подобные мысли и вовсе не приходили ей в голову.

— Можете называть меня Анной, — коротко сказала она. — Думаю, что мою мать вы зовете Хло. Она не любит, когда к ней обращаются по-другому. Я тоже, когда я дома.

Однако при общении с коллегами-музыкантами она требовала официального обращения. Хотя она не произнесла это вслух, Мигель прочитал ее мысли.

— Тогда вы больше привыкли к тому, что вас называют мисс Сандерс, — сказал он.

— Вы всегда такой дерзкий? — гневно спросила она.

Значит, она все-таки сделана не из одного льда, подумал Мигель, внимательно глядя на нее.

— Нет, я не дерзкий. Я констатирую факт. Вы редко бываете дома. Иначе знали бы обо мне. А я о вас.

Откинув назад копну медных волос, она ответила:

— Вы очень самоуверенны, мистер Чейз.

Он пожал плечами и улыбнулся. Она неожиданно почувствовала, как напряглась спина, и постаралась отвести от него глаза.

— Вы, наверное, сейчас думаете о том, чтобы уволить меня?

Она вскинула голову.

— Я никогда не вмешиваюсь в дела моей матери. Наверное, она хочет, чтобы вы здесь работали. Видимо, вы ее устраиваете.

Любую другую женщину Мигель тут же поставил бы на место. Но она была дочерью Хло и Виатта, этих замечательных, добрых людей, и он не мог обидеть их. Кроме того, Анна принадлежала другому миру.

— О, вы бы удивились, узнав, чем я могу устраивать людей, мисс Сандерс.

Она отвернулась, но Мигель успел заметить, что ее губы сжалась. Без сомнения, она посчитала его вульгарным и неприятным человеком, но это ничего. Он вполне может прожить без таких женщин, как Анна Сандерс. И может быть, для них обоих будет лучше, если она поймет это прямо сейчас.

— Вы планируете долго пробыть на этом ранчо?

Она ответила не сразу, начала прилаживать сбрую. У нее были удивительно маленькие руки. Наблюдая за их грациозными движениями, Мигель поймал себя на мысли, что так же ласково они могли бы находить эрогенные зоны на мужской груди. Он постарался отогнать от себя эти мысли.

— Я еще не знаю. Многое будет зависеть от моей работы. Может быть, недель шесть.

— Значит, вы не останетесь дома?

Мигель злился на себя, что задал этот вопрос. Какое ему дело, сколько времени пробудет здесь эта женщина? Даже если он ее не увидит никогда, то не расстроится.

Мигель не представлял, что значит для Анны быть дома. Многие годы она потратила на музыку, и все близкие были горды ее успехами. Безусловно, они очень расстроились бы, если бы она вдруг отказалась от своей карьеры.

— Нет, я здесь только на время отпуска. — Окончив оседлывать лошадь, она вскочила в седло.

Мигель отступил на несколько шагов и отсалютовал ей.

— До свидания, Анна. Может быть, до конца отпуска вам все-таки удастся переубедить Джинджер в отношении к мужскому полу.

Анна надеялась, что он не заметит легкого румянца на ее щеках. Она не помнила, чтобы кто-то заставлял ее краснеть. А этому мужчине такое удалось дважды за пять минут. Черт бы его побрал!

— Если Джинджер умная, то я заставлю ее не замечать этого жеребца!

— Бедная Джинджер!

Анна поймала себя на мысли, что ей хочется немедленно слезть со своей кобылы, ткнуть пальцем в грудь Мигеля Чейза и сказать все, что она о нем думает. Но она не доставит ему удовольствия тем, что покажет, как его слова задели ее. Несколько лет Анна потратила на то, чтобы казаться сдержанной и искушенной в жизни женщиной. Она поддерживала этот образ перед знакомыми и даже перед родственниками. И сейчас вовсе не собиралась терять контроль над собой перед незнакомым мужчиной.

— До свидания, мистер Чейз, — коротко бросила она и тронула поводья.

Она поскакала на юг. Сначала ее путь лежал по долине Хондо, затем начались горы, заросшие соснами; ковер из иголок полностью заглушал шаги лошади.

Хондо — самое любимое место Анны на земле. Санта-Фе, где она праздновала свое обручение, привлекает собранием культурных и художественных ценностей, но истинное сердце Нью-Мексико именно здесь, в долине Хондо. Чего здесь только нет, но самое главное — здесь ее дом. Ничего лучше этого нет на свете.

Джинджер помотала головой, отгоняя комаров. Анна ласково потрепала ее по шее, почему-то сразу вспомнив о Мигеле Чейзе.

Этот человек несказанно удивил ее. Не то чтобы присутствие на ранчо американца мексиканского происхождения было необычным явлением. Наоборот, родители всегда предпочитали нанимать именно их, а не ангlosаксов. Нет, о его происхождении она думала меньше всего.

В нем самом заключалось что-то такое, что заставило ее ощущать себя женщиной. А его сексуальная улыбка только подтвердила возникшее острое ощущение: она женщина, а он мужчина.

Зачем ей думать об этом грубом ковбоем, который лет на десять старше ее и наверняка женат? Ей есть о чем подумать. Надо срочно проветрить мозги, иначе через шесть недель отпуска она не в состоянии будет заставить себя уехать отсюда.

Анна чувствовала, что уже устает от кочевой артистической жизни и необходимости постоянно играть перед огромной аудиторией. Работа начала сказываться на здоровье, она уже не могла вспомнить, когда спала всю ночь без пробуждения. Усталость стала ее постоянной спутницей, а некогда прекрасный аппетит совсем исчез.

Уступив настойчивым просьбам родителей, на прошлой неделе она прошла полную диспансеризацию. Когда доктор подтвердил, что со здоровьем у нее все в порядке, родители решили, что она просто не вполне оправилась после разрыва со Скоттом. А Анна не стала их разубеждать.

На самом деле Анна неожиданно для самой себя, когда прошел первый шок от измены

Скотта, ясно поняла, что никогда не чувствовала к нему такой безумной любви, которая существовала между ее родителями. Ей не было больно расставаться со Скоттом. Мало того, она почувствовала облегчение. Но это огорчило ее. Она боялась, что будет похожа на свою родную мать, которая легко переходила от одного мужчины к другому.

Тяжело вздохнув, Анна решила вернуться в конюшню. Солнце клонилось все ближе к закату, скоро отец вернется домой ужинать. Только ради него она переоденется, будет бодрой и съест все, что ни подадут.

Мигеля Чейза не было видно. Анна спешилась, сама вычистила и накормила лошадь. Ей не хотелось, чтобы Мигелю кто-нибудь сказал о ней, что она избалованная девушка. Этот парень и так слишком самоуверен, нечего давать ему повод ехидничать.

Поздним вечером после ужина Анна помогла матери убрать грязную посуду, потом Хло принесла на веранду кофе.

Только отец сделал два глотка, как ему на пейджер пришло сообщение. Раздраженно пробормотав что-то, он поднялся.

— Боюсь, мне придется оставить своих прекрасных дам.

— Несколько минут мы без тебя проживем, дорогой, — сказала Хло.

Анна посмотрела ему вслед и поглубже забралась в кресло.

— Тебе холодно, дорогая? Может быть, пойдешь в дом? — спросила ее Хло.

Вечер был прохладным, но Анна перед ужином надела теплый свитер.

— Нет, мне хорошо. Сегодня прекрасный вечер.

Она не помнила, когда проводила время вот так беспечно.

Хло исподтишка наблюдала за дочерью.

— Мне бы хотелось, чтобы ты больше радовалась жизни. Ты приехала три дня назад, а мы еще ни разу не слышали твоего смеха. Анна ответила, обернувшись к ней:

— Мне очень хорошо, мама. Ты же знаешь, как я скучала по дому.

Но ее слова вовсе не убедили Хло.

— Да, но теперь, когда ты здесь, я вовсе не уверена, что именно это тебе нужно.

Анна поднялась и направилась к бассейну.

— Мама, неужели ты думаешь, что я буду счастлива, гоняясь за мужчинами?

Хло рассмеялась и тут же извинилась:

— Извини, дорогая, я не над тобой. Но слышать от тебя, что с любовью покончено... смешно.

Наклонившись к краю бассейна, Анна опустила пальцы в воду.

— Я именно это и имею в виду, мама. Мужчины для меня не существуют. Та история со Скоттом доказывает, что верить им нельзя.

Она вернулась к матери, которая с беспокойством наблюдала за ней.

— Поверь мне, Анна, я чувствовала то же самое, пока не встретила твоего отца. Ты же знаешь, что и меня бросил жених буквально накануне свадьбы.

Да, Анна помнила, Хло рассказывала ей об этом несколько лет назад.

— Да, ты сказала ему, что не можешь иметь детей, и он сбежал от тебя. И как только ты собралась выходить замуж за такого негодяя?

Хло усмехнулась.

— То же самое я могла бы спросить у тебя.

Вздохнув, Анна посмотрела на небо. Ночь была ясной, мириады звезд ярко сверкали над горами. Анна всем сердцем ощущала, как хорошо ей здесь.

— Поверь мне, мама, Скотт открыл мне глаза. Если бы я сама не видела, как вы с отцом обожаете друг друга, я бы вообще перестала верить в любовь.

— Анна! Ты рассержена. Неужели ты не помнишь своих теток, Роуз и Джастин? Они обе прожили долгую и счастливую семейную жизнь. И твои кузены Эмили и Чарлз тоже счастливы в браке.

Хло была права. Большинству родственников повезло в любви, чего нельзя сказать о ее родных матери и отце, Белинде и Томасе. Они были по-настоящему несчастны.

— Мама... думаю, пора сказать тебе... я была не до конца откровенна с вами.

Хло удивленно подняла брови.

— Что ты хочешь сказать? О тебе и Скотте? Ты беременна, дорогая? Поэтому ничего не ешь?

Анна быстро замотала головой.

— Нет, я не беременна. Скотт и я никогда... думаю, что-то удержало меня от близости с ним. Что касается ребенка, я мечтаю иметь его. Но только не от Скотта. Мне хотелось бы уважать отца своего ребенка. Хло испуганно сдвинула брови.

— Но если ты не беременна, тогда почему...

— Почему такая меланхолия? Нет, я вовсе не страдаю из-за разрыва со Скоттом. Это уже в прошлом. Я просто очень устала.

Лицо Хло расслабилось.

— Конечно, дорогая. Поэтому ты здесь. Отдыхай, развлекайся.

Анна вздохнула.

— Я не уверена, что вообще хочу уезжать отсюда, мама. Не уверена, что хочу продолжать профессионально играть на фортепьяно.

Несколько минут прошло в полном молчании. Потом внезапно Хло улыбнулась.

— А почему ты раньше никогда об этом не говорила?

— Потому что не хотела огорчать тебя и папу. Вы бы решили, что я сошла с ума.

Хло покачала головой.

— Анна, ты должна жить так, как хочешь. Это твоя жизнь. Ты совсем не обязана подчиняться нашим желаниям.

Безусловно, именно так и должна была ответить ее мать. И отец тоже. Они постараются обязательно скрыть разочарование, чтобы не огорчать свою дочь.

— Я знала, что ты так скажешь, — пробормотала Анна.

— Но разве я или отец когда-нибудь лгали тебе?

Анна покачала головой.

— Нет, я такого не помню. Но я прекрасно понимаю, что вы всегда гордились моей карьерой.

— Да, конечно, мы счастливы твоими успехами. Радовались, что ты имела возможность посмотреть мир, много зарабатывала. Но если ты, Анна, несчастна из-за своей работы, остановись и спроси себя, чего ты хочешь на самом деле.

Анна подошла к креслу матери, встала на колени у ее ног.

— Я думаю, что согласилась выйти замуж за Скотта вовсе не потому, что полюбила его, а потому, что хотела иметь семью, дом, ребенка.

Хло улыбнулась ей мягкой, понимающей улыбкой.

— И все это ты хочешь гораздо больше, чем путешествовать и играть на фортепьяно.

Анна кивнула.

— Я ненормальная, да?

Хло мягко рассмеялась и потрепала дочь по щеке.

— Если это так, то я тоже ненормальная, и уже двадцать пять лет.

На самом деле Анна вовсе не собиралась заводить этот разговор, но теперь была даже рада,

что он состоялся.

— Я понимаю, что женщине нужен мужчина, чтобы иметь семью, детей. А так как я не хочу никаких мужчин, мне надо обратить внимание на другие вещи.

— Какие другие вещи?

Анна пожала плечами.

— Я не знаю. Может быть, опять вплотную займусь музыкой. Вполне возможно, что через шесть недель отдыха мне будет это только в радость. А пока буду наслаждаться домашним уютом. Знаешь, как было приятно скакать на Джинджер сегодня утром! Общество лошадей всегда мне на пользу.

— Я очень рада.

— Кстати, там я встретила вашего нового управляющего. Я не знала, что Лестер ушел.

Хло кивнула.

— Лестер достиг пенсионного возраста, и они с женой решили попутешествовать.

Лестер служил у них 20 лет. Это был кривоногий, поджарый человек с неизменной трубкой во рту. К Анне он относился так, словно она была его внучкой. Безусловно, Мигель Чейз не сможет его заменить.

— Где вы нашли мистера Чейза?

— Его знает твой дядя Рой. Мигель несколько лет жил в Каризозо, а до этого в Альбукерке. Как он тебе показался?

Анна вспомнила о его улыбке, о своих ощущениях.

— Наверное, он сильный и способный человек, иначе вы бы его не наняли.

— Мигель и вправду хороший парень, но мало что смыслит в скаковых лошадях. Он у нас больше занимается скотом.

Анна удивленно подняла брови.

— Он ничего не понимает в лошадях? Я никогда этому не поверю.

Хло встала с кресла и потянулась.

— Нет, безусловно, понимает. О нем можно сказать, что он родился в седле. Но я говорю о тонкостях содержания скаковых лошадей.

— А он... Мигель живет в доме Лестера?

Дом Лестера находился в миле от ранча по дороге к горам. Анне всегда нравился этот деревянный коттедж. Место было тихое и спокойное, к тому же открывался прекрасный вид на Сьерра-Бланка.

Хло кивнула, потом с озорным блеском в глазах добавила:

— И он холост. Думаю, что когда-то был женат. Не знаю точно, что там произошло. Видимо, его бывшая жена поступила плохо. И он, как и ты, решил навсегда порвать с противоположным полом. С тех пор как Мигель у нас, я никогда не видела, чтобы он поглядывал на кого-нибудь, не говоря уж о том, чтобы с кем-либо встречаться.

Почему-то Анне было неловко обсуждать личную жизнь Мигеля Чейза. Может быть, потому, что он показался ей скрытым человеком, прячущим переживания глубоко внутри себя. Она уважала такое поведение, да и какое ей дело до того, женат он или нет. У нее есть много собственных проблем.

— Я уверена, что у него есть на это причины, — сказала она, хотя с трудом могла представить себе, чтобы какая-то женщина могла заставить его горевать. Кроме того, вообще не похоже, чтобы у него могло быть разбитое сердце.

— Да, конечно, причины есть, — согласилась ее мать со вздохом. — Но все равно нельзя быть таким одиноким.

Мать говорила с такой сердечностью, с которой могла бы говорить о неприятностях Адама

или Анны. Но это не удивляло ее. Она знала, что Хло хотелось, чтобы все были счастливы вокруг нее. А в глазах Хло любовь и счастье были синонимами.

— Может быть, Мигель Чейз вполне удовлетворен собственной компанией, — сказала Анна, обнимая мать за плечи. — Пойдем в дом. Ветер уже стал холодным.

Хло взяла со стола кофейник и присоединилась к дочери.

— Думаю, что Мигель сам не знает, чего хочет. Он так давно живет один, что совершенно забыл, что такое женское общество.

— Мама, я думаю, что обычный мужчина за всю жизнь не узнает о женщинах столько, сколько уже забыл о них Мигель Чейз.

Хло расхохоталась. Анна недоуменно посмотрела на нее.

— Что здесь такого смешного?

Хло перестала смеяться, на ее лице появилась широкая улыбка.

— Ничего, дорогая. Я просто рада, что ты это заметила.

Глава ВТОРАЯ

На следующее утро Анна проснулась рано, села в кровати, откинула с лица длинные спутанные волосы. В окно доносилось щебетанье птиц, хотя рассвет только занимался. Мать наверняка уже в конюшне, подумала Анна. Она знала, что Хло с самых ранних лет усвоила правило своего отца: лошадей надо кормить до собственного завтрака.

Анна улыбнулась при этой мысли. Репутация Хло как тренера и коннозаводчика перешагнула границы штата. Покупатели теперь приезжали из таких удаленных штатов, как Луизиана, Арканзас и Кентукки.

Анна очень гордилась своей матерью. Так же, как и отцом, завоевавшим известность в мире газового и нефтяного бизнеса. А теперь и ее брат Адам делает себе имя на том же поприще, что и отец. Их младшая сестра Айви в настоящее время успешно осваивает профессию врача. Можно сказать, что у всех членов семьи карьера сложилась весьма успешно. Если, конечно, Анна не решит расстаться с профессией пианистки.

Но портить утро такими размышлениями ей не хотелось. Во всяком случае, сегодня ей не придется тренировать пальцы или выслушивать предложения импресарио, сегодня она будет помогать матери в конюшне. Этого оказалось довольно, чтобы поднять настроение.

К половине восьмого она покончила с завтраком и поспешила с матерью на конюшню. Первый, кого она там встретила, был Мигель Чейз.

Несмотря на решение не обращать внимания на мужчин, Анна снова отметила поразившую ее вчера мужскую красоту Мигеля. Дело было не только в приятных чертах лица, но и в том ощущении мужественности, которое производили широкие плечи, узкие бедра и мускулистые ноги. Когда они с матерью подошли ближе к нему, она ощутила в груди непонятное волнение. Почему — она и сама не поняла. Анна только чувствовала, что этот мужчина затронул в ее душе такие струны, о существовании которых она и не подозревала.

— Доброе утро, Мигель, — тепло поздоровалась с ним Хло.

Он повернулся к ним от лошади, которую в этот момент седдал.

— Доброе утро.

— Я вижу, ты собираешься выводить сегодня Римрока, — заметила Хло. — Как его щиколотка?

— Опухоль спала, два дня у него был полный отдых, поэтому я решил попробовать вывести его сегодня.

Хло взглянула на Анну.

— Дорогая, почему бы тебе не оседлать Джинджер и не проехаться с Мигелем? Вдруг ему понадобится какая-то помощь?

Ехать с Мигелем? — удивилась Анна.

— Мама! Не надо мешать Мигелю. У него же работа.

Хло повернулась к Мигелю.

— Мигель, уверяю тебя, Анна — прекрасная наездница. Она обскакет половину наших ковбоев.

Анна поймала на себе его изучающий взгляд.

— Это правда, Анна? — спросил он. Тон, которым он произнес ее имя, заставил ее всю задрожать. Не глядя ему в глаза, она произнесла:

— Матери всегда преувеличивают заслуги своих детей.

Хло тут же возразила:

— Нет, Мигель прекрасно знает, что я никогда не преувеличиваю. Но если ты не хочешь

ехать, можешь помочь мне выгулять молодняк.

Выгулять молодых лошадей? Анна очень хорошо представляла, что это такое. Быть искусанной, избитой веревкой — нет уж, спасибо!

— Лучше я все-таки поеду на Джинджер, — ответила она.

Она украдкой взглянула на Мигеля, который, как оказалось, продолжал смотреть на нее с легким скептицизмом.

— Но ты можешь не ждать меня, Мигель. Просто скажи мне, куда скакать, и я догоню.

— Я не спешу. Кроме того, у меня еще есть дела до отъезда. Я найду тебя, когда буду готов ехать.

Она решила, что было бы слишком грубо настаивать на своем. И потом, видно было, что он из кожи вон лезет, чтобы угодить ее матери. О господи, во что она втягивается?

— Отлично. Оседлать Джинджер не займет у меня много времени.

Когда они с матерью отошли на достаточное расстояние, Хло усмехнулась.

— Я так и знала, что, стоит мне предложить тебе заняться жеребятами, ты быстренько согласишься ехать с Мигелем.

— Мама! Зачем ты это сделала?

Хло совершенно невинно посмотрела на нее.

— Сделала что, дорогая?

Анна в ответ только простонала:

— Ты прекрасно знаешь что! Ты практически подтолкнула меня к нему! Мама, он же не Лестер!

— Нет, конечно. Он гораздо моложе и привлекательней, не правда ли?

Тяжело вздохнув, Анна покачала головой.

— Если ты пытаешься заняться сводничеством, мамочка, имей в виду, что Мигель Чейз лет на десять старше меня. А может быть, и больше.

Хло бросила на дочь непонимающий взгляд.

— А при чем здесь возраст? И никаким сводничеством я не занимаюсь. Зачем мне это надо, если ты предупредила меня, что не хочешь иметь с мужчинами никакого дела?

Они подошли к стойлу Джинджер.

— Анна, ты слишком уж чувствительна. Я просто подумала, что тебе будет приятно совершить прогулку верхом. Это твоя первая неделя дома. Я хочу, чтобы ты расслабилась и забыла о всех своих проблемах и неприятностях.

Да уж! Она не позволит какому-либо мужчине испортить ей долгожданный отпуск.

Спустя двадцать минут Анна стояла во дворе с уже оседланной кобылой. Она надела сапоги, которые показались ей тесными. Чтобы хоть немного растянуть кожу, она походила, потом даже попрыгала. Внезапно рядом раздался мужской голос:

— Это утренняя аэробика или вы пытаетесь обучить Джинджер новому трюку?

Вздрогнув от неожиданности, Анна обернулась и увидела улыбающегося Мигеля с лошадью в поводу.

— Да нет, просто пытаюсь привыкнуть к сапогам, которые стали мне немного малы.

Он улыбнулся еще шире, и Анна почувствовала, что краснеет. Она вовсе не так собиралась начать этот день.

— Наверное, вы были совсем худышкой, — заметил он, оглядывая ее с головы до ног.

Анне показалось, что она стоит перед ним совершенно обнаженная. Такого чувства она не испытывала никогда в жизни. Какая ерунда, на ней надето несколько слоев всякой одежды! Чтобы скрыть замешательство, она легко вспрыгнула в седло.

— Не беспокойтесь, ветром меня не сдует, когда я пущу лошадь галопом.

Но Мигелю было трудно поверить в то, что эта худощавая девушка может еще что-то, кроме музенирования. Но способна мисс Анна Сандерс скакать на лошади как настоящий ковбой или нет, он не проронит ни слова по этому поводу и будет сопровождать ее весь сегодняшний день. Ради Хло. А уж завтра пусть делает что хочет. Он, в конце концов, управляющий, а не нянька.

— Это очень хорошо, Анна. Однако надеюсь, что до галопа дело не дойдет.

Анна в замешательстве смотрела, как Мигель легко вскочил в седло своего коня. Он дразнит ее или пытается оскорбить, а может быть, говорит вполне серьезно? По выражению его лица она не смогла понять ничего.

Они вместе выехали из ворот ранчо и поскакали на восток, к реке. Анна молчала. Ее всегда во время скачки целиком поглощали звуки и вид окрестностей.

— Ваша сестра Айви очень редко выбирается на конную прогулку, когда приезжает домой. Мне кажется, что она не очень уверенно чувствует себя с лошадьми. Анна искоса взглянула на него.

— Вы знакомы с Айви?

Он кивнул.

— Она очень похожа на отца.

Анна улыбнулась.

— Да, папа тоже не в восторге от лошадей.

— Ваш отец очень хороший человек.

Анне было приятно, что он хорошего мнения о ее семье.

— Да. Очень.

Они пересекли реку и направились к подножию горы. Время от времени Анна бросала на Мигеля быстрый взгляд. Она думала о том, что сказала мать о Мигеле. Ее интересовало, почему он ни с кем не встречается. Наверняка ему стоит только поманить пальцем, как любая женщина прибежит. Кроме нее, конечно.

— У вас есть семья, Мигель?

— Здесь нет. Моя мать живет в Мехико. А отец умер несколько лет назад.

Он взглядом дал понять, что считает ее вопросы не совсем уместными, и Анна решила, что скорее откусит себе язык, чем спросит его еще о чем-нибудь.

— И я не женат, — добавил он. — И жениться не собираюсь. Возможно, вы знаете об этом от вашей матери.

Анна чуть не лишилась дара речи. Неужели он и впрямь думает, что заинтересовал ее настолько, что она обсуждает его со своей матерью? Ну и наглость!

И все же горечь, с которой он произнес эти слова, насторожила ее. Она совершенно не хотела вмешиваться в его личные дела. Хотя, если признаться честно, ее немного интересовала его жизнь, и это крайне беспокоило ее.

Мигель украдкой бросил взгляд на ее левую руку. Обручального кольца нет. Определить ее возраст он не смог. Однако припомнил, что кто-то говорил, что близнецам чуть больше двадцати лет. Безусловно, возраст небольшой, но достаточный, чтобы выйти замуж.

Мигель подумал, что такие женщины, как Анна, редко терпят мужчину на шее. А если и совершают такую ошибку, то это обычно кончается плохо. Когда он познакомился с Чарлин, она была молодая и богатая, как и Анна. Он был безнадежным дураком, когда решил, что сможет сделать ее счастливой.

— У вас тоже нет желания выйти замуж?

Она с удивлением посмотрела на него.

— Кто вам рассказывал обо мне?

— Я не собираю сплетен, Анна. И ничего не знаю о вашей личной жизни. Я просто

поддерживаю беседу.

От смущения Анна вся раскраснелась. Он не может знать о Скотте. Никто, кроме ее родителей, не в курсе того, что жених изменил ей с другой накануне свадьбы. Глядя вдаль, она спокойно сказала:

— К вашему сведению, я не замужем. И сомневаюсь, что когда-нибудь выйду.

Краем глаза взглянув на него, она заметила, что он не удивился. Ну да, он ведь подслушал тогда ее мнение о мужчинах, когда она излагала его своей кобыле. Значит, не забыл.

— Уверен, что муж был бы вам помехой.

— Помехой? — удивленно переспросила она.

Мигель покачал головой.

— Забудьте о моих словах. Лучше прибавим ходу. Ребята, наверное, заждались меня.

Мигель Чейз считает ее эгоисткой. Вероятно, он думает, что ее заботит только собственное благополучие. Она бы лишь посмеялась над этим, если бы ей не было так горько. С самого детства Анна почти никогда не имела возможности делать то, что ей хотелось. Даже в отношениях со Скоттом она была готова пойти на всевозможные жертвы, лишь бы их брак с самого начала был прочным. Но пусть Мигель думает что хочет. Что у нее на сердце, касается только ее одной.

Она пришпорила лошадь и пустила ее вскачь. Беседа прервалась сама собой. Анна почувствовала облегчение. Этот мужчина как оголенный провод. Каждое его слово, каждый взгляд действовали на нее раздражающе.

Завершив подъем, они оказались в лагере ковбоев, где горел костер и готовился обед.

Уже несколько лет Анна не ездила на пастбище. Когда-то ее брал с собой Лестер, теперь его сменил Мигель Чейз. То, что его наняла ее мать, говорило о том, что она уважает его и ценит за деловые качества. Анне самой хотелось убедиться, достоин ли этот человек ее уважения.

Когда Мигель впервые увидел Анну вчера в конюшне, он сразу решил, что она слишком тонка и изящна для работы на ранчо. Она же пианистка. Имеет дело с богачами. Может быть, когда-то она действительно скакала по пустыне или помогала пасти скот, но только не сейчас.

Все утро он пристально следил за ней. Спустя два часа ему стало ясно, что, несмотря на изнеженный вид, она совсем не беспомощна. Легко управлялась с Джинджер, помогала ковбоям. И все же он не мог признать Анну своей на пастбище. И когда она собралась идти в загон с тремястами головами скота, он твердо взял ее за руку и отвел в сторону.

— Не говорите мне, что собираетесь работать в загоне, — сказал он ей.

Она надменно подняла брови.

— Естественно, собираюсь. Именно за этим я сюда и приехала.

Мигель должен был догадаться, что она будет возражать. Наверное, она вообще редко слышала слово «нет».

— Анна, послушайте, вы измажетесь и промокнете. Я не хочу, чтобы с вами что-нибудь случилось.

Она устало взглянула на него.

— Если несколько лет я не жила здесь, это не значит, что я забыла все, чему меня научили, Мигель. Или вы боитесь, что я буду мешать вашим ковбоям?

Мигель не думал, что она будет мешать. Он не мог сказать, почему вообще возражал против того, чтобы она шла в загон. Просто чувствовал потребность защищать ее.

«Черт возьми, Мигель, — обругал он себя. — Ты должен понимать, что Анна не нуждается в защите. Она из тех женщин, которые гордятся своей независимостью и самостоятельностью. И если ей вдруг понадобится мужское плечо, вряд ли она выберет мексиканского ковбоя».

— Нет, — с неожиданной резкостью ответил он. — Я не думаю, что вы помешаете. Просто

я хотел избавить вас от грязной работы. Но если вы хотите — ваше дело.

Анна понимала, что он не хочет, чтобы она шла в загон. Продиктовано ли это его заботой о ней или же желанием показать, кто здесь хозяин? В любом случае это раздражало. Она всегда помогала матери и тете Роуз в работе со скотом. Ей было неприятно, что кто-то посторонний давал ей понять, что ее присутствие здесь нежелательно.

— Послушайте, Мигель, на нашем ранчо не всегда было столько работников, как сейчас. Когда родились мы с братом, моя мать и ее сестры сами вкалывали здесь с утра до вечера. И так продолжалось не один год. Я сама прекрасно знаю эту работу и не боюсь испачкать руки.

— А вы представляете, что будет, если вы сломаете руку или хотя бы палец? Вы испортите себе всю карьеру!

— Если моя карьера закончится, я смогу пережить это. Чего я терпеть не могу, так это когда меня ограничивают.

Он вытянул руки ладонями вперед, как бы показывая, что не намерен с ней спорить.

— Собираетесь совершить безрассудный поступок — ради бога. Я не буду вам препятствовать.

— Но вы бы не хотели, чтобы я его совершила, — добавила за него Анна.

Он тяжело вздохнул. Ну почему именно он должен иметь дело с такой капризной женщиной?

— Не имеет никакого значения, чего я хочу. Это ваше ранчо. Думаю, вас совершенно не интересует мое мнение.

Анна подбоченилась.

— Это вовсе не мое ранчо! Оно принадлежит моим близким.

Он избегал ее взгляда, давая понять, что Анна пустыми разговорами отвлекает его от важных дел. Ну и ладно, подумала она. В конце концов, он первый начал.

— А разве это не то же самое? — спросил он.

— Нет! И напрасно вы так думаете обо мне.

— А как я думаю? — удивленно вскинул он брови.

— Что я какая-то принцесса, которой надо угодждать.

Опасный темный свет загорелся в его глазах.

— Хотите заставить меня поверить в то, что вам приходилось страдать и бороться, чтобы свести концы с концами? Я не дурак, Анна. Вы рождены в богатстве и не представляете, что значит жить по-другому.

Откуда у него такое представление о ней? Впрочем, это не имеет никакого значения. Пусть думает о ней что хочет.

— А моя мать считает вас хорошим человеком. Видимо, она ошибается.

Анна повернулась и зашагала прочь. Она подошла к забору, отгораживающему загон, вскочила на него и спрыгнула на землю по другую сторону. Пусть Мигель отстанет от нее. Она дома в отпуске. Если ей хочется помогать ковбоям, она будет это делать.

Спустя час по ее грязному лицу струился пот. Она давно уже скинула джинсовую куртку, и теперь ее розовая блузка была сплошь заляпана навозом. Но даже это не заставило ее забыть колкие замечания Мигеля. Анна все еще кипела, вспоминая его слова. Несмотря на то, что он работал всего в нескольких шагах от нее, она ни разу не повернулась в его сторону.

— Поосторожней, Анна, вот с этим бычком, — предупредил ее один из ковбоев. — Он очень сильный и своенравный.

К нему в это время приближался другой ковбой с раскаленным железом, чтобы поставить клеймо. Анна схватила бычка за задние ноги.

— Я осторожно, — заверила она ковбоя. — Давайте быстрее и...

Договорить она не успела — в следующий момент спиной упала на землю, в глазах разорвались яркие белые огни.

— Анна! Анна, ты слышишь меня? Настойчивый мужской голос призывал ее очнуться и открыть глаза. Анна попыталась различить что-нибудь сквозь паутину, плавающую перед глазами.

— Мигель? Это вы? — слабым голосом спросила она.

Холодные, грубые пальцы дотронулись до ее виска, и она поняла, что что-то случилось с головой. Боль пронизывала ее насквозь, подобно молнии.

— Да. Это Мигель, — ответил мужской голос.

Сильной рукой он приподнял ее.

— Что... произошло? — спросила она.

— Сильный удар, — пояснил он, — Ты видишь меня?

Анна изо всех сил попыталась сосредоточить взгляд на его темном лице. К счастью, перед глазами начало проясняться.

— Да. Удар пришелся по голове? — Она дотронулась до лба. Лоб болел, как будто по нему изо всех сил ударили молотком.

— Прямо в висок.

— Удар был очень сильный, босс, — заметил один из ковбоев. — Может быть, ее отвезти к доктору?

— Ты, наверное, прав, Джим, — согласился с ним Мигель. — Так что продолжайте работать, пока я отвезу Анну на ранчо.

— Нет! — крикнула Анна и сделала попытку вскочить на ноги.

— Не двигайся! — Ответный оклик Мигеля подействовал на Анну. Она отшатнулась от него, едва удержавшись на ватных ногах.

— Со мной все в порядке. Не нужно никакого врача.

— У тебя, наверное, сотрясение мозга, — предупредил ее Мигель.

— Ничего подобного. Зрение вернулось, меня не тошнит. Просто болит голова. У любого заболит при таких обстоятельствах.

Мигель жестом велел ковбоям возвращаться к работе, потом взял Анну за руку и отвел в конец загона, где они могли поговорить без посторонних глаз.

— Почему ты все время споришь со мной? У тебя действительно сильный ушиб, — расстроенным голосом сказал он. — Тебе надо принять пару обезболивающих таблеток, а потом я отвезу тебя на ранчо.

— Зачем? Мне не надо возвращаться на ранчо.

Он окинул ее сердитым, непонимающим взглядом, и Анне очень захотелось каким-то образом стереть с его лица всезнающее выражение.

— Тебе здесь нельзя оставаться, — ответил он. — Но ты ведь все равно не послушаешься.

— Ну конечно, тебе так хочется сказать мне: «Я же говорил!»

В этот момент Мигель ощущал непреодолимое желание встряхнуть ее за плечи, а потом крепко прижать к себе. Он никогда в жизни не испытывал такого испуга, когда услышал удар копыта о ее голову, а затем увидел ее безжизненно лежащей на земле с белым лицом.

— Меня совершенно это не волнует, Анна. Она постаралась проглотить обиду от его слов. Она ведь вовсе не обязана нравиться ему.

— Ты хочешь сказать, что мое присутствие здесь тебе неприятно. Ты терпишь меня только из-за моей матери.

Вдруг его рука обхватила ее за голову и притянула к себе.

— Что ты знаешь обо мне, Анна Мердок Сандерс? Ты уже год не была на ранчо. Ты вообще

не знала о том, что твоя мать наняла нового управляющего. Я прекрасно понимаю, о чем и о ком ты беспокоишься.

От гнева краска залила ее лицо.

— Думаю, что у тебя запутались не только мысли, но и руки, — прошипела она сквозь стиснутые зубы.

Что-то вспыхнуло в его глазах, и в следующий момент он крепко прижал ее к себе и страстно поцеловал в губы. Протест замер у нее в горле. Она попыталась оттолкнуть его, но гнев ее улетучился так же внезапно, как и появился. Она вся отдалась во власть его крепких рук и теплых губ.

Ей показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он оторвался от нее. Ноги у нее дрожали еще сильнее, а голова раскалывалась от боли. К тому же она вдруг почувствовала унижение оттого, что не смогла оттолкнуть Мигеля.

— Ты вообще слишком много думаешь. Но обещаю тебе, что больше ни мои мысли, ни руки не запутаются.

— Лучше этой новости я не слышала уже много лет.

Мигель сам не знал, что это вдруг нашло на него. Он вовсе не хотел целовать Анну Мердок Сандерс! Но тем не менее не только поцеловал, но и не хотел выпускать ее из своих объятий.

— Ты сейчас хорошо видишь? — спросил он, стараясь быть спокойным.

Анна не сводила глаз с его губ, думая, что она одна из многих женщин, которых целовали эти губы. И то, что произошло сейчас, не имеет для него никакого значения.

— Лучше, чем раньше! — ответила она.

— Хорошо. Тогда быстро садись на свою лошадь и скачи отсюда, пока я не сказал или не сделал что-то, о чём потом буду жалеть.

Анна повернулась и пошла в глубь загона. Она воспользовалась обезболивающей таблеткой, которую ей разыскал повар. Потом вскочила на Джинджер и поскакала домой.

Скорее забыть этого человека!

Глава ТРЕТЬЯ

— Анна! Анна, проснись! Настойчивый, взволнованный голос моментально разбудил Анну.

— Что случилось? — Она посмотрела на будильник — была полночь.

— Дорогая, нам только что позвонили из Южной Америки. По-видимому, с Адамом произошел несчастный случай на одной из нефтяных вышек.

Анна вскочила в кровати, от резкого движения заболела голова, и она застонала.

Хло села на кровать рядом с ней и обняла дочь за плечи.

— Прости, дорогая, что пришлось разбудить тебя среди ночи. Но мы с твоим отцом уезжаем через несколько минут.

Анна с беспокойством взглянула на мать.

— Сейчас? Ночью? Он серьезно пострадал?

Хло покачала головой.

— Нет, возможно, не так серьезно. Человек, который позвонил нам, только сказал, что Адам попал в больницу со сломанной ногой.

— Слава Богу, — пробормотала Анна. Брат всегда был ей опорой. Даже когда они жили далеко друг от друга, она всегда чувствовала его присутствие, так же как и он. — А вы не считаете, что мне тоже надо поехать? Я хочу повидать его, — сказала она, быстро сбрасывая одеяло.

— Не сегодня, — ответила Хло. — Как ты поедешь с такой шишкой на голове? Кроме того, может случиться, что Адаму потребуется операция на ноге, тогда мы с отцом можем задержаться там на неопределенное время. Будет лучше, если ты останешься здесь присматривать за лошадьми.

Анна согласно кивнула.

— Безусловно, я сделаю все, что от меня потребуется.

Хло с любовью прижала ее к себе.

— Я так и знала, что смогу на тебя положиться.

Она заставила Анну снова лечь.

— Постарайся как следует отдохнуть и ни о чем не печалься. Мы позвоним тебе сразу же, как только все выясним. А утром, если сможешь, съезди, пожалуйста, к Мигелю и объясни ему, что произошло. Скажи, что нас не будет несколько дней.

— Поехать к Мигелю? Мама, но в этом нет никакой необходимости! Он сам приедет сюда к обеду. Тогда я ему и расскажу.

— Нет, он не приедет к обеду. Он должен будет поехать в Аламогордо договариваться насчет корма для лошадей, — сказала Хло.

— Ну, тогда я скажу ему, когда он вернется.

Хло удивленно посмотрела на нее, и Анна поспешила добавить:

— Ладно, ладно, мама. Мне очень хочется поехать к Адаму, а не оставаться здесь с... Мигелем Чейзом! Ты, наверное, уже знаешь, что мы... поругались.

Хло всплеснула руками.

— Значит, вам надо помириться. Я не буду спокойной и не смогу сосредоточить внимание на Адаме, если не буду уверена, что здесь все в порядке. Для этого надо, чтобы делами занимались вы с Мигелем.

Анна всегда любила помогать родителям, чтобы хоть как-то отплатить им за прекрасное детство, которое они ей подарили. Но почему, черт возьми, ей надо делать это вместе с Мигелем Чейзом?

— Не беспокойся, — заверила Анна мать. — Я не подведу тебя. Если будет надо, я убью Мигеля и уговорю вернуться Лестера.

— Здорово, — ответила мать. — А что такого сделал Мигель, чтобы так взволновать тебя?

— Ну... — Анна открыла и закрыла рот, потом подумала, что с матерью следует быть честной. — Он поцеловал меня!

Хло рассмеялась.

— Ну, Анна, теперь я вижу, что мне не следует беспокоиться о тебе.

Она повернулась и вышла, а Анна откинулась на подушки. Было уже начало третьего. Скоро наступит утро и встреча с Мигелем.

Анна прекрасно помнила этот бревенчатый дом, прилепившийся к склону горы. Она всегда наслаждалась красотой окружающей природы и покоем, который царил кругом. Все это так контрастировало с суетой, постоянно царившей на ранчо...

Интересно, что нравится здесь Мигелю и что привело его сюда? Анна позвонила в дверь. Прошло довольно много времени, прежде чем дверь открылась. Когда Мигель возник на пороге, она увидела, что застала его за бритьем. На нем были только джинсы и ботинки. Вокруг шеи белое полотенце.

— Извини за беспокойство, — как можно холоднее произнесла она, — но мне надо поговорить с тобой до того, как ты уедешь в Аламогордо.

Он стянул полотенце, промокнул им остатки крема на щеках и верхней губе.

— У меня на экстренный случай есть мобильник.

Мать ничего ей о мобильнике не сказала, и мысль о том, что она сделала это нарочно, заставила Анну нахмуриться.

— Я этого не знала, — буркнула она.

— А что произошло? — спросил он и жестом пригласил ее войти. Анна удивилась перемене, произошедшей внутри дома. Лестер и его жена увезли все вещи, и теперь мебели было мало, но тем не менее комнаты поражали чистотой и уютом.

Не дожидаясь приглашения, Анна села на диван, покрытый коричневым пледом.

— Ты знаешь, что мой брат находится сейчас в Южной Америке? — спросила она.

Мигель стоял посреди большой комнаты, чтобы не продлевать ее визит. Вот уж об этом ему не стоит беспокоиться, подумала Анна. Она вылетит отсюда как пробка из бутылки, только выполнит поручение Хло.

— Да, твой отец говорил мне об отъезде Адама. Ему очень не хотелось, чтобы сын уезжал, но он решил, что так будет лучше и для него, и для дела.

Анна кивнула.

— Так вот, с ним произошел несчастный случай, и родители вылетели туда.

— Что-нибудь серьезное? Анна покачала головой.

— Мы так не думаем. Конечно, сломанная нога — это плохо, но никакой угрозы для жизни нет.

У него вырвался вздох облегчения.

— Ну и слава Богу! Так что твоя мать велела мне передать? Она хочет, чтобы я сам приглядывал за лошадьми в ее отсутствие или чтобы нанял кого-нибудь?

— Я сама займусь лошадьми.

Анна поднялась с дивана и тут же пожалела об этом. Она видела, как Мигель оценивающе осмотрел ее с головы до ног, в его взгляде было написано явное сомнение, что она справится.

— Ты?

— А что?

Выражение его лица ничуть не изменилось, разве что он слегка поднял брови.

— Не хочешь пойти на кухню сварить себе кофе, пока я оденусь?

Что уж теперь одеваться, подумала она, злясь на себя за то, что отметила и оценила его сексуальность. Теперь он так и будет стоять у нее перед глазами — полуобнаженный, с мощными мускулами и широкой грудью. Она знает теперь, какого великолепного кофейного цвета у него кожа.

Краска залила ее лицо, и она поторопилась спросить:

— А у тебя есть кофе?

— Да, позавтракаешь со мной?

Она покачала головой.

— Не хочу.

Он нахмурился.

— Ты вообще умеешь готовить или это должна делать для тебя мать?

— Моя мать ничего не должна делать для меня. И я умею готовить. А ты?

Он улыбнулся.

— Конечно.

Он пошел к выходу, по дороге обернулся и сказал:

— Я буду готов через пять минут.

Когда он вошел в кухню, то застал Анну сидящей на высоком табурете с чашкой кофе в руке. Он поразился красоте девушки с блестящими волосами, светлой кожей и зелеными-зелеными глазами.

На ней была блузка абрикосового цвета, заправленная в голубые джинсы. Прекрасные сапожки ручной работы и фетровая шляпа на шнуре за спиной. На запястье серебряный, отделанный бирюзой браслет, такие же бирюзовые серьги в ушах.

Она олицетворяла собой все то, что Мигель презирал в женщинах. И все же он понимал, что по внешности судить о ней нельзя. Возможно, она вовсе не такая избалованная, как Чарлин. Но тоже молода и богата.

— Родители тебе утром не позвонили?

Он подошел к холодильнику и достал бекон и яйца.

— Нет. Я разговаривала только со своими тетками и рассказала им, что произошло. Обе они просили тебя сказать, если от них потребуется какая-то помощь...

— У них есть собственные ранчо, о которых им надо заботиться, — ответил он, поджаривая бекон на сковороде.

Анна наблюдала за ним у плиты.

— Тебе не нравятся Роуз и Джастин? — спросила она.

— Они мне очень нравятся. Именно поэтому я не хочу загружать их работой, с которой прекрасно справлюсь сам. А вот ты... я не уверен, что ты сможешь полностью заменить Хло.

Анна поняла, что последнее его замечание было вызвано желанием разозлить ее. Не получив никакого ответа, он обернулся и удивленно взглянул на нее. Она спокойно пила кофе.

— Молчание — золото?

Она подняла на него глаза.

— Да не волнуйся ты, я вполне могу позаботиться о лошадях.

— Похоже, тебе еще рано вставать с постели. Какая у тебя огромная шишка на лбу! Болит голова?

— Тетя Джастин вчера вечером принесла таблетки от головной боли. Она же медсестра и хотела убедиться, что у меня нет сотрясения мозга.

— Ну и какой диагноз поставила тебе твоя тетя?

— Что у меня необычайно крепкая голова.

— Не стоило и ехать. Я мог бы ей сам сказать об этом.

Анна не знала, почему этот мужчина так притягивал ее к себе. Умом она понимала, что лучше и на сто ярдов не приближаться к нему, а все остальное ее существо молило дотронуться до него, почувствовать его запах, без конца целовать его губы.

Она импульсивно соскользнула со стула и подошла к нему, стараясь все же, чтобы между ними сохранилось расстояние хотя бы в несколько дюймов. Даже сквозь едкий запах жареного бекона она ощущала запах его чистой кожи, слабый аромат лосьона.

— Что ты готовишь? — спросила она.

— Яичницу с беконом.

— Разве ты не знаешь, что это вредно?

Он полуобернулся, взглядом задержавшись на ее губах.

— Мне, на самом деле, многое вредно.

Жаркий огонь вспыхнул внутри Анны.

Сейчас ей казалось невероятным, что еще месяц назад она думала, что уже никогда не захочет ни одного мужчину. Стоя рядом с Мигелем, она поняла, что значит хотеть мужчину. Она никогда не испытывала этого чувства по отношению к Скотту. Как, впрочем, и к кому-либо еще. До тех пор, пока не встретила Мигеля. Эта мысль волновала и пугала ее.

— Тогда почему ты... позволяешь себе? — спросила она.

Он усмехнулся и отвернулся к сковороде. Анна с облегчением перевела дыхание.

— Человеку отпущено на земле мало времени. Поэтому глупо отказывать себе в удовольствиях.

— Так ты не просто ковбой, ты еще и философ, — заметила Анна, скрестив руки на груди.

— Нет, я ковбой, просто имею свою точку зрения на некоторые вещи, — ответил он.

— И ты всегда был ковбоем?

— Да, я всегда был ковбоем и еще некоторое время совмещал это со службой у шерифа. Я был его помощником.

— Здесь?

— Нет, в провинции Берналильо.

— Но это значит, и в Альбукерке.

— Да.

Она думала, что он расскажет ей что-то еще, но он промолчал, ловко выкладывая яичницу на тарелки. Анне стало любопытно, где он так научился готовить. То ли его заставила жизнь, то ли ему это нравилось.

Она помогла ему накрыть на стол, который стоял возле окна. Оттуда открывался прекрасный вид на гору, поросшую сосновым лесом. Она зачарованно смотрела на раскрывшуюся перед ней дикую красоту, и Мигель удивленно спросил:

— Разве ты никогда не смотрела из этого окна?

— Смотрела, конечно, но это было давно. Мы с братом часто приходили сюда, это было наше любимое место на ранчо. Этот дом построил мой отец для медового месяца с мамой. Они ездили сюда, когда им хотелось побывать наедине. А спустя несколько лет дом отдали главному надсмотрщику.

— Когда я нанимался к вам, у меня был дом недалеко от Руидозо, — сказал Мигель. — Я хотел продолжать жить в нем, но Хло и слышать об этом не желала. Она из практических соображений хотела, чтобы я жил на ранчо. Поэтому пообещала, что если я продам свой дом, а потом, может статься, уволюсь, то она добавит мне денег на новый дом. Но я влюбился в это место с первого взгляда.

Они приступили к еде. Анна чувствовала, что проголодалась, но никак не думала, что будет

завтракать с Мигелем. Ей казалось, что это произошло помимо ее воли.

— Мой дядя Рой — шериф в провинции Линкольн, — сказала Анна. — Наверное, ты знаешь его.

— Да, я знаю Роя много лет. Он был легендой в свое время.

— А почему ты не остался служить в полиции, как Рой?

— Для меня эта работа была только средством к существованию. Посвящать ей всю свою жизнь я не собирался.

— И как долго ты проработал в полиции?

Он нахмурился, и Анна не поняла, то ли это вызвано тем, что он подсчитывает в уме время, то ли он раздражен ее расспросами.

— Больше десяти лет.

Она не ожидала такого ответа, поэтому в первый момент не смогла скрыть удивление.

— Десять лет! Но это значит, что ты начал работать очень рано.

Он усмехнулся.

— А сколько, по-твоему, мне лет, Анна? Она вспыхнула, почувствовав на себе его взгляд.

— Не знаю... тридцать пять?

— На самом деле тридцать семь. Значит, он на десять лет старше Скотта, но она почему-то совсем не ощущала разницу в их возрасте. Он был мужчиной, от взгляда которого у нее перехватывало дыхание, а от случайного прикосновения замирало сердце.

— А мне двадцать пять... Так все же почему ты ушел из полиции?

— Потому что мне больше хотелось быть ковбоем. Тебя удовлетворяет такой ответ?

— Нет, — ответила она.

— Послушай, Анна, я вовсе не пытаюсь скрыть какую-то страшную историю из своей жизни. Мне на самом деле приятнее иметь дело с людьми, чем с оружием.

— Извини, что я спросила.

— Да нет, я понимаю, что у тебя в голове романтическая история, будто бы во мне сидит какая-то заноза, а ты именно та женщина, которая должна ее вытащить и вернуть меня к полноценной жизни. Так вот, я не нуждаюсь ни в лечении, ни в утешении, ни в спасении.

Она почувствовала, как глаза ей застилает красная пелена ярости.

— Черт, что я вообще здесь делаю? — Она швырнула недоеденный кусок хлеба в тарелку и вскочила с места. — Я буду ждать в конюшне. И не потому...

Внезапное головокружение не дало ей договорить. Чтобы не упасть, она вынуждена была схватиться за край стола.

— Анна! Тебе плохо? — Он вскочил из-за стола и подхватил ее.

Да, ей плохо. Но ни за что на свете она не хотела ему признаваться в своей слабости.

— Все в порядке. Я просто чересчур резко встала.

— У тебя же было сотрясение мозга! Тебе вообще рано подниматься с постели.

Головокружение прошло, она опустила дрожащую руку и посмотрела на него.

— Черт возьми, у меня не было никакого сотрясения. И я хочу, чтобы ты перестал вести себя так, как будто ты все про меня знаешь!

Задетый тем, что она высмеяла его заботу, он язвительно посмотрел на нее.

— Если у тебя не было сотрясения мозга, тогда что с тобой? Может быть, ты беременна? Может быть, именно поэтому решила вернуться домой к маме и папе?

От такой наглости у нее буквально перехватило дыхание.

— Ты что, с ума сошел? Неужели ты думаешь, что если бы я была беременна, то вошла бы в загон для скота?

— Я знаю, что женщины способны и не на такое!

— Только не я. И потом, ты прекрасно знаешь, что я не замужем! — в ярости выкрикнула она.

— Чтобы иметь детей, совершенно необязательно быть замужем, — с насмешкой парировал он. — Или ты об этом еще не знаешь?

— Ты... ты... самый нахальный, самый...

— Садись и доедай свой завтрак, — приказал он.

— Завтрак окончен! Мы...

Внезапно он схватил ее за копну рыжих волос и притянул к себе.

— Никаких «мы» не существует. Или ты этого хочешь, Анна? Ты к этому подталкиваешь меня?

Легко дернув за волосы, он заставил ее поднять к нему лицо.

— Да, — отрывисто прошептал он. — Думаю, ты хочешь именно этого.

— Мигель... — Но больше ничего сказать он ей не дал. Остальные слова замерли под натиском его губ. Чтобы не упасть, ей пришлось прижаться к его груди.

— Ты ответила на мой поцелуй так, как будто я единственный мужчина в твоей жизни, которого ты хотела, — прошептал он.

Ясно, что он смеется над ней, но его слова были так близки к правде, что она невольно вздрогнула.

— Ты вовсе не единственный мужчина, с которым я целовалась! — огрызнулась она, но голос при этом был слишком слабым и дрожащим.

Он пристально посмотрел на нее.

— Я не сказал, что я единственный мужчина, с которым ты целовалась. Я сказал, что я единственный мужчина, которого ты хотела. А это большая разница, Анна. Я предупреждаю тебя: не надо раскрывать надо мной свои девственные крылья.

— Как будто бы я намереваюсь это делать! А моя девственность тебя вообще не касается!

Не обращая внимания на ее сарказм, он продолжал:

— Мы совершенно разные люди, Анна. Ты знаешь, что ты из себя представляешь, а я знаю, какой я. Мы не подходим друг другу.

Откуда он знает? И почему ей так хочется, чтобы он понял, какая она на самом деле? Он совершенно невыносим и груб. Но прежде всего он мужчина. А она поклялась больше никогда не увлекаться ни одним мужчиной!

Она отпрянула от него.

— Я очень рада слышать это, Мигель. Так что занимайся своими делами на ранчо, а я своими, идет?

— Безусловно.

Анна вышла из комнаты, больше не взглянув на него. Она уже спускалась по ступеням, когда за спиной раздался его голос. Обернувшись, она увидела его в проеме двери и подивилась еще раз, насколько он вписывается в окружающий пейзаж. Но и она тоже. Просто он об этом не знает.

— Я буду следить за тобой.

— Прости, но я думала, что ты тут управляющий, а не хозяин поместья.

— Я могу быть и тем и другим. Если понадобится.

Иными словами, если она не сможет вести хозяйство в отсутствие родителей, то он определенно с этим справится.

Ну так она постарается не дать ему такой возможности.

Глава ЧЕТВЕРТАЯ

Анна повесила трубку и с облегчением откинулась на подушки дивана. С Адамом все в порядке. Завтра его уже выпишут из больницы. Но последняя фраза матери вывела ее из равновесия. О чём только думают родители, вернее, мать? Безусловно, Анна только приветствовала их идею поехать дальше, в Бразилию. Пусть наслаждаются вторым медовым месяцем. Но ведь за год Анна совершенно отвыкла от ранчо. Неужели родители не понимают, что ей будет тяжело без них целый месяц!

Дело вовсе не в том, что Анна боялась физической работы. Ей даже нравилась смена работы, она рада была отложить ежедневную игру на фортепиано. Но Анну пугала ответственность, которая ложится на нее за этих чистопородных лошадей. А вдруг кто-то из них поранит ногу или заболеет? Мало ли что может случиться.

И потом, Мигель. Он невыносим. Следит за каждым ее шагом. Без сомнения, только и ждет, когда она опозорится.

Анна поднялась и подошла к пианино. Крышка была закрыта. Она не приближалась к инструменту ни разу за все четыре дня, что была дома. И пока у нее не возникло ни малейшего желания заниматься музыкой.

Мигель считает, что она не способна заниматься ничем другим. Можно себе представить, что он подумает, когда узнает, что Хло оставила на нее конюшни еще на месяц. Но родители верят в нее. Если понадобится, она будет работать двадцать четыре часа в сутки. И докажет Мигелю, что способна на нечто большее, чем просто развлекать публику.

Мигель приехал, когда уже совсем стемнело. Он решил не оставаться после работы на пастбище. Ему не хотелось, чтобы в отсутствие родителей Анна была дома совсем одна. Он понимал, что ей трудно справляться со всем хозяйством. Но лучше бы она попросила его о помощи.

Было около девяти часов вечера. Мигель думал, что вряд ли Анна легла спать.

Проходя по двору, он заметил свет, пробивавшийся из дверей конюшни. Решив, что Анна забыла погасить свет, он распахнул двери и увидел у дальней стены Анну. Она вела под уздцы игривого жеребенка, а в другой руке несла ведро воды. Мигель пошел ей навстречу. Когда между ними осталось несколько шагов, Анна подняла голову и взглянула на него. Он не смог скрыть изумление при виде ее. Куда подевался изысканный наряд! На ней были вытертые джинсы и старая рубашка. Но даже не одежда поразила его, а безумно усталый вид: темные круги под глазами и глубокие складки вокруг рта. Картина дополнял багровый синяк на виске.

— Анна, что ты тут делаешь?

Она бросила на него такой взгляд, который ясно показал ему всю несуразность его вопроса.

— Я ухаживаю за лошадьми. А ты что подумал?

Он в свою очередь выразительно посмотрел на часы.

— Так поздно? Твоя мать никогда не задерживалась допоздна, даже накануне скачек.

Анна расправила усталые плечи.

— Да, мне потребовалось некоторое время, чтобы одной накормить и напоить тридцать лошадей. Наверное, ты забыл, что все рабочие сейчас на выгоне.

Мигелю захотелось выругаться. Как мог он забыть послать ей хотя бы двух помощников! Анна наверняка решила, что он это сделал нарочно.

— Думаю, мне надо извиниться перед тобой.

Но Анне не нужны были его извинения, ей нужно было его уважение. Но, видно, это было не так-то просто заслужить.

— Не надо извиняться. Я предпочитаю сама ухаживать за лошадьми, чем доверять их ковбоям.

Она прошла мимо него. Ему очень хотелось помочь ей донести ведро, но он подумал, что она вряд ли примет его помощь.

— И все же тебе не следует работать допоздна, — пробормотал он, злясь на себя и на нее. Ей вообще не надо работать, тем более с такой шишкой на лбу!

— Со мной все в порядке.

— А от родителей ничего не слышно? Что с твоим братом? — спросил он, решив больше не касаться опасной темы.

В его голосе прозвучала такая неподдельная тревога, что Анна невольно посмотрела на него.

— Да, они звонили. С Адамом все в порядке. Завтра его уже выписывают из больницы, нога в гипсе.

Она увидела облегчение на его лице, и это тронуло ее.

— Так когда же Хло и Виатт возвращаются домой? Завтра?

— Нет, они пока не возвращаются.

— Почему? Адам еще не может без них обойтись?

— Вот уж нет. Адам будет работать даже на костылях. Просто родители решили устроить себе второй медовый месяц и поехали на побережье.

— Ты шутишь?

Анна, прислонившись к дверному косяку, откинула со лба рыжую прядь.

— Нет, не шучу. Разве мне до шуток?

— Но почему именно сейчас? Ты же приехала домой в отпуск. Мне казалось, что они рады побыть с тобой.

— Побудут еще, когда вернутся. Ты ведь знаешь, как редко мама уезжает с ранчо. А папа, наверное, счастлив, что она сейчас принадлежит только ему.

— Да, твои родители труженики, я знаю это. Но как они могут оставлять тебя одну? Да еще с таким хозяйством! Честно говоря, это на них совершенно не похоже.

Если бы он только знал, что она думает то же самое! Конечно, приятно, что они доверяют ей. Но вдруг она не справится? Может быть, родители решили на деле проверить ее?

— Они оставили тебя с сотрясением мозга и огромным синяком на лбу, — продолжал удивляться Мигель.

— Никакого сотрясения у меня нет, а о синяке и думать не стоит, — ответила Анна.

— Не знаю, ты выглядишь так, как будто сейчас упадешь. — Он взял ее ладони в свои. Нежная кожа стерлась и кровоточила. Она попыталась вырваться, но он только крепче сжал ее руки. — Нормальные девушки носят перчатки, когда выполняют тяжелую физическую работу.

Прикосновение его рук повергло ее в растерянность; Анна не нашлась что сказать, а только с испугом смотрела на него.

— Последний раз тебе говорю, что нет у меня никакого сотрясения. А перчатки у меня есть, я сняла их только несколько минут назад, — наконец проговорила она.

— Я так и думал. У тебя такая мягкая кожа, что даже перчатки не помогают.

— Что ты понимаешь в этом? — Она невольно смерила его оценивающим взглядом. Грязь, навоз и трава оставили яркие следы на его джинсах и рубашке. Глаза покраснели от долгого пребывания на солнце. И Анна вдруг почувствовала нежность к нему. Этот человек так тяжело работает не только на себя, но и на ее родителей. Это вызывало глубокое уважение к нему. — Ты и сам выглядишь не лучше.

— Я привык к такой жизни, а ты нет.

— Наверное, ты считаешь, что моя профессия не требует самоотдачи, — сказала она.

— Я ничего не понимаю в твоей профессии, но уверен, что после игры на фортепьяно ты выглядишь вовсе не так. Пойдем в дом, я попробую привести твои руки в порядок.

— Мигель, это всего лишь волдыри. Мигелю совсем не хотелось спорить с ней в такое время. Ему было ясно, что завтра она не сможет встать с постели, и надо позаботиться о том, чтобы найти ей замену.

— Твои руки надо обработать и перебинтовать, — отрезал он.

— Но как я смогу принять ванну с бинтами на руках? Не могу же я лечь в таком виде! — Она с отвращением поглядела на свою грязную одежду.

— Ладно, я подожду, пока ты выйдешь из ванной, — предложил он.

Он выпустил ее руки, но Анна не успела вздохнуть от облегчения, что он уже не касается ее, как Мигель обнял ее за плечи и вывел из конюшни.

— Надеюсь, что у Хло в холодильнике остались хоть какие-то продукты, — сказал он, — а то я уехал до того, как повар приготовил ужин.

— И часто ты совершаешь набеги на холодильник моих родителей? — сухо осведомилась она.

— Как только они уезжают, я сразу же ворую их драгоценности, чтобы купить себе выпивку, — ответил он, запирая дверь на замок.

Обернувшись, он заметил усмешку на ее лице и подумал, что она вообще вряд ли умеет улыбаться по-доброму.

Когда они вошли в дом, Анна тут же ушла в ванную. Мигель вымыл руки на кухне и проверил содержимое холодильника. Как он и предполагал, там оказалось целое блюдо бифштексов. Он засунул их в микроволновку и занялся приготовлением салата.

Когда Анна появилась на кухне, ужин был готов, на плите дымился крепкий кофе. Она замерла от удивления.

— Так ты не шутил насчет холодильника? — вырвалось у нее.

— Конечно, нет. Твои родители всегда уговаривали меня не стесняться. Когда я тут оказываюсь, то непременно пользуюсь случаем, — ответил он с усмешкой.

Анну покоробило. Человек, не проработавший здесь и года, уже чувствует себя как дома, хотя она сама, выросшая на этом ранчо, за период странствий как бы отвыкла и ощущает себя почти чужой. Увы, здесь многое изменилось. Или она изменилась?

Мигель жестом пригласил ее к столу.

— Садись, я посмотрю твои руки перед едой, — сказал он.

Анна хотела было ответить, что это не его забота, но прикусила язык. В конце концов, он хотел ей помочь, а быть неблагодарной она не могла. Она уселась и положила руки на стол ладонями вверх. Мигель достал аптечку из холодильника. Увидев волдыри на ее руках, он едва сдержался, чтобы не выругаться вслух. Подумать только, как долго ему придется терпеть ее выходки!

— Ты всегда была такой упрямой? — спросил он, обрабатывая рану.

— Нет, упрямцем в семье всегда считался мой брат Адам. Если уж что-то вобьет себе в голову, то никакими силами его не уговорить.

— Хм. Если бы вы не были так похожи внешне, я бы никогда не подумал, что вы близнецы. Уж очень вы разные.

— В каком смысле?

Он поднял голову и внимательно посмотрел на нее. И вновь Анна ощутила себя раздетой под этим пристальным взором. Она с трудом заставила себя дышать ровно, как будто для нее ничего не значат ни его взгляды, ни прикосновения его рук.

— Твой брат не производит впечатления трудного подростка.

— Если ты так думаешь, то совершенно не знаешь Адама. У него свои демоны в голове.

— У всех есть свои демоны. Но он по крайней мере обладает хорошим чувством юмора.

Умеет смеяться и часто это делает.

— Но ты сам, похоже, не обладаешь этим замечательным качеством, — холодно парировала она.

— Мало найдется людей, которые не потеряют чувства юмора перед разгневанной тигрицей, — ответил он, продолжая обрабатывать ее раны.

Боль и ярость заставили Анну сжать зубы.

— Ты просто невыносим. Теперь мне понятно, почему ты живешь здесь совершенно один. Он лениво скользнул взглядом по ее лицу.

Анна почувствовала, как бешено заколотилось ее сердце. Она никогда не встречала человека, который действовал бы на нее так.

— Я живу один, потому что меня это устраивает. А не потому, что я вынужден.

Он занялся перевязкой, и Анне оставалось только изучать волнистые пряди темных волос у него на затылке, следить за ловкими движениями больших рук. От него исходил запах пота, пыли, лошадей.

— Мама говорила, что ты был женат, — услышала она себя, прежде чем успела остановиться.

Он даже не взглянул на нее.

— Да, это правда. Я был женат. Один раз.

— Думаю, тебе не хочется рассказывать, что произошло?

Он поднял на нее хмурые глаза.

— Как это — что произошло? — переспросил он.

— Ну, почему вы расстались.

— Скажем, она хотела больше, чем я мог ей дать.

В его голосе чувствовалась горечь. Анне стало интересно, сколько времени прошло с их развода. Со слов матери она поняла, что много. Значит, он либо все еще любит свою бывшую жену, либо ненавидит. Ей хотелось бы это знать... почему, интересно?

Тем временем Мигель кончил бинтовать ее ладони, внимательно осмотрел результаты своей работы, сложил бинты в аптечку и убрал ее назад в холодильник.

Туго перевязанные руки болели гораздо меньше.

— Спасибо большое, Мигель, — поблагодарила она его.

Он не ожидал от нее никакой благодарности. Поступки этой женщины совершенно непредсказуемы...

— Да пожалуйста, — пробормотал он. Внезапно он смущился и, чтобы скрыть это, повернулся к холодильнику.

Они занялись едой, потом Анна сказала:

— Мне кажется, что ты не говорил мне, почему решил вернуться на ранчо. Ведь тебе было гораздо проще оставаться с ковбоями. Утром снова придется пускаться в далекий путь.

Он взглянул на нее и тут же пожалел об этом. Вид Анны с мокрыми кудряшками и едва застегнутой одеждой мог сбить с толку любого мужчину. И дело было даже не в сексуальности. Сердце сжалось, когда он глядел на это хрупкое, нежное создание, попавшее в неожиданный переплет. Огромный синяк на лбу, перебинтованные руки, которыми и есть-то было трудно. Выглядела она молоденькой и невинной, хотя он знал, что ей пришлось многое пережить.

— Мне захотелось узнать, нет ли новостей от Адама. Ну и потом... надо было посмотреть, все ли в порядке на ранчо.

— Но я же на ранчо. Так что нечего особенно беспокоиться. Да я и не помню, чтобы здесь что-то случалось с тех пор... — Она замолчала на полуслове.

— ...с тех пор, как Белинда Уоллер пыталась сжечь ранчо двадцать с лишним лет назад, — докончил он за нее.

Она удивленно подняла брови.

— Ты знаешь эту историю?

Он помолчал, потом кивнул.

— Я не говорил об этом, думая, что ты не знаешь.

Она спокойно встретила его взгляд, как бы давая понять, что не стыдится обстоятельств, при которых они с братом появились на свет.

— Адам и я много лет знаем, что Белинда Уоллер была нашей физической матерью, а Томас Мердок — отцом. Хло и Виатт никогда не делали из этого секрета. Они поддерживали в нас гордость за наше родство. И мы им гордимся. Хотя, конечно, мне трудно примириться с мыслью, что мать оставила нас с братом на ступеньках этого самого дома, как корзину с бельем.

Мигель тяжело вздохнул. Ему вовсе не хотелось иметь что-то с этой женщиной. Она была намного богаче, чем многие женщины. Тем не менее глубоко в ее светло-зеленых глазах затаилась боль. Мигель отлично понимал, что значит предательство близкого человека.

— Насколько я знаю, она была больна, некоторое время даже употребляла наркотики. Наверное, считала, что о вас лучше позаботится ваш отец.

— Да, она не знала, что он к тому времени уже умер от сердечного приступа. На самом деле я все прекрасно понимаю. Просто заложенный во мне материнский инстинкт отторгает саму мысль о том, чтобы бросить свою плоть и кровь. Подумать только, она пыталась сжечь ранчо и чуть не убила мою тетю Роуз и дядю Гарлена!.. Врагу своему такого не пожелаю. Удивительно, что ты все это откуда-то знаешь.

— Думаю, что история Белинды и Томаса будет долго еще обсуждаться в нашем графстве. К тому же вы ведь с братом продолжаете быть его гражданами.

Анна почувствовала, что больше не сможет проглотить ни кусочка.

— Белинда вела дневник. Папа сохранил его. Когда мы с Адамом были подростками, он дал нам прочитать его, чтобы мы могли лучше понять свою мать. Тем не менее мне кажется, что я никогда не сумею понять, как она совершила такое. Хотя может быть, это была любовь.

Мигель не ожидал от нее такого откровенного разговора о своей семье. До сих пор Анна уклонялась от малейшего намека на подобные разговоры. То, что Анна так открылась перед ним, обрадовало и одновременно взволновало Мигеля. Он не хотел быть привязанным к этой женщине никоим образом. Но его тянуло к ней, и он не в силах был противостоять этому.

— Я ничего не могу сказать про нее, но что касается твоих родителей, то я уверен, что они очень любят вас с братом.

— О лучших родителях, чем Хло и Виатт, нечего и мечтать, — согласилась она и вопросительно посмотрела на него. — А у тебя, Мигель, есть семья?

Он покачал головой.

— Мой отец умер от сердечного приступа несколько лет назад. После его смерти мать уехала в Мехико к своей сестре.

— Твои родители из Мехико?

— Мой отец был гражданином США. А мать оттуда. Наверное, поэтому туда и уехала в конце концов. Она чувствует себя там на родине.

— А братья или сестры у тебя есть?

— Младшая сестра. Она живет в Колорадо.

Все это очень удивило Анну. Он совершенно не был похож на человека, у которого есть

родственники. Такой одинокий волк. Вот насколько может быть обманчивым первое впечатление. Наверное, еще много неожиданного она узнает о нем до своего отъезда.

Тем временем Мигель покончил с едой и занялся кофе. Но когда он собирался уже налить в ее чашку, она закрыла ее рукой.

— Нет, спасибо. Я не хочу больше ни есть, ни пить. Кроме того, боюсь, что если выпью еще кофе, то совсем не смогу уснуть.

— Ты настолько устала, что уснешь в любом случае, — заметил он.

Анна вспомнила, сколько бессонных ночей провела в последнее время. Не спасала и работа. Как только ее голова касалась подушки, тут же наваливались бесконечные вопросы, проблемы и сомнения.

И обязательно она мысленно все время возвращалась на ранчо, к своей семье. Никогда не думала, что можно так скучать по дому.

Она вскочила и понесла тарелку к раковине. Но внезапно почувствовала страшную слабость в ногах и тяжело облокотилась о стол. Ей ни за что не хотелось, чтобы Мигель заметил это.

— Анна?

Это он что-то сказал ей на ухо? Она попыталась повернуться и почувствовала его дыхание у своего лица, потом его рука обхватила ее за плечи.

— Ничего страшного, Мигель, — тихо прошептала она. — Но думаю, что мне надо лечь в постель.

Он с облегчением вздохнул.

— Хорошо. Где твоя кровать?

— А что?

— Я отнесу тебя, — прошептал он. — И не возражай, пожалуйста. У меня не то настроение, чтобы слушать твои возражения.

Анна не могла возражать. Она так нуждалась в его поддержке, любви. Она так хотела быть любимой!

Но Мигелю она не нужна! Он заботится о ней только из-за ее родителей.

О господи, думала Анна, когда он нес ее в спальню, что же мне теперь делать?

Мигель положил ее на огромную кровать, выпрямился и посмотрел на нее сверху.

— По-моему, мне нужно остаться здесь на ночь, Анна, — сказал он.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами и, к своему ужасу, только кивнула в ответ.

Глава ПЯТАЯ

Будильник звонил и звонил, как назойливая муха. Она протянула руку, попыталась нащупать кнопку и свалила будильник на пол. Но он, к счастью, перестал звонить, и Анна открыла глаза.

В комнате царила полная темнота. На какое же время она завела будильник? Облокотившись, она всмотрелась в светящийся циферблат и вслух застонала. Все тело у нее болело, пальцы не сгибались.

Бинты тут же напомнили о Мигеле, и по телу разлился сладкий жар. Слава богу, он не мог вчера прочитать ее мысли. Иначе она просто не могла бы смотреть ему в глаза.

Когда он пожелал спокойной ночи и сказал, что будет в спальне для гостей на случай, если ей вдруг понадобится его помощь, Анна почувствовала такое острое разочарование, что с трудом смогла его скрыть. А потом смущилась.

Как она могла подумать о том, что он захочет заниматься с ней любовью? Мужчина, которому она даже не нравится!

Закрыв глаза, Анна снова застонала. Хватит, нечего валяться и предаваться самоуничижению. Нужно вставать и заниматься делами. Лошадей надо кормить и выпускать из стойл.

Глядя на закрытую дверь своей спальни, Анна вдруг подумала, что спала так крепко, что даже не знает, ночевал ли Мигель на ранчо, как обещал. Он вполне мог подумать, что она обойдется без него, и уехать.

Она застелила кровать и поспешила оделась. Спустя пять минут уже оказалась на кухне. Там никого не было, чувствовался запах кофе, а на холодильнике была прикреплена маленькая записка: «Анна, я уехал на пастбище. Постараюсь как можно быстрее выслать к тебе двух парней на помощь. Мигель». Она перевернула бумажку, но так и не нашла никакого упоминания о том, когда приедет он сам.

«Мне вовсе и неинтересно это знать», — пыталась она убедить себя. Ей не надо, чтобы он учил ее ухаживать за лошадьми, это она умеет с детства.

Все всегда говорили, что она великолепно играет на фортепьяно. И что преступно зарывать такой талант в землю. Профессия пианиста гораздо престижнее ковбойской работы.

Анна налила себе чашку кофе и уселась за стол. Да, она убедила себя в том, что надо заниматься искусством, а не лошадьми. Подавила в себе детские мечты и занялась тем, чего от нее хотели. И вот спустя несколько лет оказалась перед осуществлением своей детской мечты. Пусть даже это продлится всего один месяц.

А может быть, родители специально подстроили все это, чтобы дать ей шанс определиться с карьерой пианистки? Ну что ж, она решит здесь, что ей делать с собственной жизнью. Вполне возможно, музыка действительно окажется ее настоящим призванием. Но сначала надо бы разобраться с этим управляющим. Она завоюет его уважение, даже если ей это будет стоить жизни!

Холодный вечерний ветер развеял рыжие кудри Анны. Она наслаждалась прогулкой верхом на прекрасном скакуне и даже не сразу заметила мужской силуэт на вершине холма. Анна с силой натянула поводья, и конь, фыркнув и загарцевав на месте, остановился, явно недовольный тем, что его бег так неожиданно прервали. Анна увидела, что Мигель стремительно спускается с холма, и поскакала ему навстречу.

— Ты сегодня рано освободился, — сказала Анна. — Как дела на пастбище?

— На пастбище все в полном порядке, а я спешил к тебе, и, видно, не зря. Ты что, пытаешься покончить жизнь самоубийством?

Анне показалось, что в следующий момент он протянет руку и скинет ее с лошади. Ее бы это даже не удивило.

— Я не самоубийца, — холодно ответила она. Потом спрыгнула с лошади и повела ее под уздцы к конюшне.

Мигель тихо выругался и последовал за ней.

— Ну скажи, зачем ты села на этого коня? Это самый лучший скакун Хло.

— Я знаю. Он просто чудесный. Мигель увидел, что она широко улыбается.

Подумать только, улыбается из-за лошади! Нет, он никогда не поймет эту женщину.

— Чудесный, — проворчал он. — Если бы он сбросил тебя на такой скорости, ты бы сразу сломала себе шею.

Анна рассмеялась, а он еще больше нахмурился.

— Я не падала с лошади с тех пор, как мне исполнилось шесть лет, — успокоила она его. — И то это произошло потому, что Адам ударил моего пони.

— Этот скакун — совсем не пони, — Мигель кивнул в сторону разгоряченного жеребца. — Мне вообще не хотелось бы видеть тебя ни на одной из скаковых лошадей.

Анна молчала до самой конюшни.

— Я надеюсь, ты понимаешь, что не имеешь никакого права приказывать мне, — сказала она наконец.

Мигель от ярости стиснул челюсти.

— А ты думаешь, что я буду стоять и спокойно наблюдать, как ты подвергаешь свою жизнь опасности? Если ты действительно так считаешь, то ты еще глупее, чем я думал!

В Анне тоже поднялся глухой, темный гнев. Она едва сдерживалась, чтобы не влепить ему пощечину. Спасла только многолетняя привычка контролировать свои эмоции.

— Видимо, вы слишком крепко спали, мистер Чейз, иначе помнили бы, что Хло оставила меня отвечать за лошадей.

— Я прекрасно помню это, — ответил он. — Но это не значит, что ты можешь делать все что хочешь.

— Нет, а кто, по-твоему, должен был выгулять жеребца? Эти два ковбоя, которых ты прислал мне в помощь? — Она рассмеялась. — В них обоих весу восемьдесят килограммов. Ни один из них никогда не участвовал в скачках, и они до смерти боятся упасть с лошади. Представить даже не могу, что им можно доверить хотя бы вымыть лошадей!

— Для скачки мы можем нанять людей из специальной фирмы.

— Совершенно нет необходимости в этом, пока я здесь. Моя мать мне это поручила. И я ни за что не хочу ее разочаровать.

Сердитое выражение на лице Мигеля сменилось на недоверчивое.

— Твоя мать знала, что ты собираешься скакать? Я в это не верю!

У Анны от гнева затрепетали ноздри.

— Она дала мне инструкции по каждой из лошадей. А теперь, раз мы все выяснили, может быть, ты позволишь мне продолжить работу?

Анна сделала попытку пройти мимо Мигеля, но он схватил ее за руку. Она возмущенно вскинула на него глаза, но тут же опустила их.

— Я тебе не верю! Хло никогда не позволила бы тебе так рисковать.

Она нашла силы взглянуть ему в глаза.

— А ты думаешь, мать сама не рискует жизнью, когда пускает лошадь галопом?

— Нет. Твоя мать привыкла к скачкам. Она прекрасно знает каждую лошадь в конюшне. А ты...

— ...только и знаешь, что играть на фортепьяно, — продолжила она за него с насмешливой

улыбкой. — Так вот, я умею гораздо больше, чем ты думаешь.

Ее самоуверенность так подействовала на Мигеля, что он непроизвольно дернулся за руку, и она буквально упала на него.

— Здесь на ранчо управляющий я, мисс Анна Сандерс. Не ты! И именно мне придется отвечать перед твоими родителями, если ты попадешь в больницу со сломанной шеей!

Анна посмотрела в его зелено-карие глаза, на насмешливо изогнутые губы и удивилась, как это она вчера, когда он бережно бинтовал ее руки, решила, что он сочувствует ей. Как можно ошибаться в людях!

— А я-то думала, что ты беспокоишься о моей шее, а не о своей собственной.

— Ты права, я давно уже понял, что собой представляют девушки из богатых семейств. Вы думаете только о собственном удовольствии, а на других вам совершенно наплевать!

— У тебя нет никакого права и никакой причины говорить со мной подобным образом!

Внезапно взгляд Мигеля упал на ее губы, и он сразу забыл, о чем они спорят, где находятся.

— Да, у меня нет совершенно никакого права делать это, — шепотом повторил он за ней. Затем внезапно наклонился и ощупил губами мягкую податливость ее губ.

Совершенно не ожидавшая поцелуя после всех тех оскорблений, которые она от него услышала, Анна протестующе застонала и сделала попытку вырваться, но он держал ее крепко. Она уперлась обеими руками в его грудь, и тут же боль пронзила ее поврежденные ладони. Она непроизвольно вскрикнула. Ее голос пробился до Мигеля, отключившегося от действительности. Он оторвался от нее, но все еще удерживал рукой ее подбородок, внимательно вглядываясь в раскрасневшееся лицо.

— Не знаю, как ты действуешь на меня, Анна, но, так или иначе, это к хорошему не приведет.

Несмотря на все то, что он сказал ей, Анна чувствовала, что не может противиться прикосновению его рук, и те горькие слова, \ которые он произнес, были для нее почему-то слаще всего на свете.

— Почему ни к чему хорошему не приведет? — спросила она шепотом. Ее прежний гнев сменился испугом. — Тебе что, чуждо все человеческое?

— Нет. Потому что мне не нравится, когда мне напоминают...

Мигель внезапно замолчал. Анна с глубоким разочарованием увидела, как он снова замкнулся в себе. Она, как и он, не могла понять, почему в какой-то момент у нее чесались руки дать ему пощечину, но тут же хотелось заняться с ним любовью. Она должна была это понять. Ее нестерпимо тянуло узнать, что кроется в его затуманенных глубоких глазах.

— О ней? — тихо спросила Анна.

Он смотрел на нее непонимающим взглядом, потом медленно покачал головой, когда наконец понял, что она имеет в виду его бывшую жену.

— Нет. Не о ней. О моей собственной глупости.

С этими словами он выпустил ее из своих объятий. Анна, не пошевельнувшись, смотрела, как он уходил.

— Мигель?

Он остановился, потом, обернувшись, посмотрел на нее.

— Мне очень жаль, что ты не хочешь, чтобы я скакала на лошадях. Мне очень жаль, что ты вообще не хочешь, чтобы я жила на ранчо. Но я здесь и собираюсь делать то, что должна делать. И ты будешь доверять мне.

Доверять ей. Может быть, со временем он поверит в нее. Но это будет касаться только лошадей и ранчо. Одно ясно: он никогда не доверит ей свое сердце.

— Посмотрим, Анна.

Он повернулся и пошел. Анна еле удержалась, чтобы не побежать вслед за ним. Нет, надо продолжать вести себя как прежде, спрятать все свои желания глубоко в сердце.

От этой мысли ей стало так горько, как не было никогда в жизни, и непрошеные слезы покатились из глаз.

— Мне совершенно все равно, как вы будете это делать, но, если мисс Сандерс что-то велит вам, вы это сделаете! Я не хочу слышать от нее, что вы боитесь выполнять свою работу!

— Но, мистер Чейз, — прервал его один из молодых ребят, — нас наняли сюда ковбоями. Мы понятия не имеем о скачках.

Глаза Мигеля загорелись опасным огнем.

— Если вы не в состоянии повторить то, что показывает вам мисс Сандерс, то можете убираться отсюда. Я найду таких, кто это сумеет.

Два парня стояли, переминаясь с ноги на ногу, бормоча, что сделают все, что в их силах. За спиной Мигеля раздалось покашливание.

— Тебе не кажется, что ты с ними чересчур строг? — услышал Мигель мужской голос, когда ковбои отошли на достаточное расстояние.

Мигель обернулся и увидел своего старого друга Роя Парди, шерифа графства Линкольн. Настроение Мигеля тут же поднялось, и он с улыбкой протянул другу руку.

— Я буду с ними еще строже, если они не выполнят моих требований. Сосунки мне здесь не нужны.

— А в чем, собственно, дело? Хло понадобились еще конюхи для скаковых лошадей?

Мигель покачал головой.

— Ты разве не знаешь? Она с мужем проводит сейчас второй медовый месяц.

На лице Роя появилось удивленное выражение.

— Вот это новость! Я думал, что они поехали навестить Адама, который сломал ногу и лежит в больнице.

— Так и было. Но ему уже лучше, и они решили попутешествовать по Южной Америке. Примерно месяц.

Рой задумчиво потер подбородок.

— А как Анна? Мне казалось, что она приехала сюда в отпуск. Именно поэтому, кстати говоря, я и заехал. Повидаться с ней.

— До вчерашнего дня Анна ухаживала за лошадьми своей матери. По мне, так лучше бы она этого не делала.

Рой озадаченно взглянул на него, потом рассмеялся.

— А в чем дело? Анне удалось покорить твое сердце?

Мигель нахмурился.

— Покорить мое сердце? Что ты имеешь в виду?

— Последний раз, когда я ее видел, моя племянница была прехорошенькой.

Мигель неприязненно посмотрел на него.

— Я достаточно повидал хорошенъких женщин на своем веку.

— Да, повидал. Но давно. А теперь, наверное, вообще никаких не видишь. А уж таких, как Анна, и подавно.

Мигель махнул рукой в сторону конюшни:

— Наверное, она там.

Понимая, что приятель хочет положить конец беседе, Рой схватил его за плечо.

— Хорошо. Пойдем со мной, я хочу поздороваться с ней.

— У меня дела.

— У тебя всегда дела. Они могут подождать.

Кому-нибудь другому Мигель тотчас бы объяснил, куда ему катиться. Но с Роем он дружил уже много лет. Он уважал его и дорожил их дружбой. И не хотел обижать его из-за Анны.

Они застали ее убирающей стойла. Как только она заметила Роя, ее лицо осветила радостная улыбка. Она подбежала к нему и бросилась в объятия.

— Дядя Рой! Как чудесно, что ты заехал. — Она поцеловала его в щеку, потом еще раз, заставив шерифа рассмеяться.

— Вот это мне по душе! — воскликнул он, похлопав по ее спине огромной ручищей.

Анна прижалась щекой к его широкой груди, потом откинулась назад, чтобы взглянуть ему в лицо.

— Как поживает мой любимый техасский рейнджер?

Рой с улыбкой повернулся к Мигелю.

— Ну как тебе это нравится? Целует меня, а расспрашивает о моем сыне!

— Чарли — мой любимый кузен, — оправдываясь, объяснила Анна. — И я не видела его со дня их свадьбы с Вайолет.

— У Чарли все хорошо. Но все-таки будет лучше, если остальные кузены не будут знать, что он у тебя самый любимый. А тебе известно, что Вайолет ждет ребенка?

Анна кивнула. В нескольких шагах от нее стоял Мигель, совершенно загипнотизированный блеском ее глаз и широкой улыбкой. Это была совершенно другая женщина, чем та, которую он знал. Эта Анна жаждала любви и счастья в семье.

— Да, мама сообщила мне радостную новость. Я так счастлива за них! А когда они возвращаются домой? Мне бы хотелось повидать их, пока я здесь.

— Наверное, в конце июня, — ответил Рой. — Ты еще будешь здесь?

До конца июня было еще семь недель. Анна же планировала пробыть на ранчо неделю шесть, одна из которых уже прошла.

Не смея взглянуть на Мигеля, она сказала:

— Еще не знаю, дядя Рой. Я не в курсе, какой у меня будет график концертов. Но постараюсь. — Она взяла Роя под руку. — Пойдем, я приготовлю тебе кофе.

— Вообще-то я еду домой, но думаю, что Джастин подождет еще пару минут. Кроме того, я заметил, что она огорчается гораздо больше, когда я приезжаю домой раньше. — Он взглянул на Мигеля. — Пойдем попьем с нами кофе, Мигель. Расскажешь, как идут дела.

Мигель перевел взгляд с Роя на Анну и вновь увидел на ее лице отчужденность. Он почувствовал укол разочарования. Ему не хотелось видеть ее такой холодной, она была так прекрасна, когда разговаривала с дядей...

— У меня куча дел... — начал он.

— Не надо о делах, — прервал его Рой. — На ранчо всегда куча дел. Уверен, что Анна угостит нас отличным кофе. А если нам ее кофе не понравится, я знаю, где Виатт хранит свое бренди.

— Дядя Рой! — Анна деланно возмутилась. — Ты же знаешь, что я варю замечательный кофе. А пить шерифам вообще запрещено.

Рассмеявшись, Рой взял племянницу за локоть и вывел из конюшни, сделав знак Мигелю следовать за ними.

Примерно через час Рой распрошался и поехал домой. Обычно Мигелю всегда очень нравилось, когда приезжал его старый друг. Но в этот вечер из-за присутствия Анны ему никак не удавалось расслабиться. Чем больше он старался не замечать ее, тем меньше ему удавалось отвести от нее взгляд и забыть их поцелуй на конюшне.

Нельзя было вообще дотрагиваться до нее. Но он совершенно потерял голову, когда увидел ее верхом на лошади. Воспоминания о том, как Чарлин игнорировала его чувства, с новой силой

нахлынули на него и наполнили яростью. Анна, конечно, не Чарлин, но в глазах Мигеля все равно была из того же теста.

— Мигель, ты слышишь меня?

Он поднял глаза и увидел, что Анна обращается к нему из другого конца кухни.

— Ты что-то сказала? — спросил он, пытаясь стряхнуть с себя ненужные воспоминания.

— Я спросила, не хочешь ли ты есть. Может быть, останешься и поешь как следует?

Схватив шляпу, он вскочил со стула.

— Нет. У меня еще много дел. Увидимся... утром.

Анна смотрела, как он скрывается в дверях, даже не обернувшись. Так ты же хотела именно этого, убеждала она себя. Тем не менее тут же подбежала к окну и глядела ему вслед, пока он совсем не скрылся из вида.

На ужин Мигель поджарил себе бифштекс, но половину оставил на тарелке. Он налил себе еще вина, не помня, чтобы когда-либо ощущал подобное беспокойство.

Он всегда был самодостаточным человеком и не нуждался в компании. Ему хватало телевизора, чтобы наслаждаться вечерним отдыхом после работы.

Но сегодня вечером мысли об Анне преследовали его, не давая думать о чем-нибудь еще. Его тянуло к ней. И Мигель ничего не мог с собой поделать. Он возбуждался даже от одного взгляда на нее. Хотя ему, как никому другому, известно, что значит желать такую женщину, как Анна. Но сегодня вечером он подумал, что явно нуждается в напоминании.

Он поставил пустой стакан на кофейный столик и пошел в спальню. Там открыл ящик письменного стола, достал из него объемистый конверт.

Фотографии были разных размеров. Некоторые четкие, на других изображение было расплывчатым, многие из снимков уже пожелтели от времени. Он медленно просмотрел их, с каждым у него были связаны дорогие воспоминания. За исключением одной, где была запечатлена пышная свадебная церемония, на которой настояла Чарлин. Мигель хотел венчаться в старой баптистской церкви, в которой когда-то его крестили. Но это было бы оскорблением для Чарлин и ее богатых родственников. Поэтому свадьба состоялась в особняке Грантов и на ней присутствовало неимоверное число гостей, которых он совершенно не знал.

С гримасой отвращения он отложил фотографию в сторону. Надо было отдать ее вместе с другими, которые Чарлин забрала при разводе. Застывшие изображения все равно больше ничего не говорили его сердцу.

Но фотографии родителей и сестры он хранил бережно. А больше других — фотографии сына Карлоса. Конечно, большинство из них были сделаны в его младенческую пору, до развода. И только на нескольких снимках был сфотографирован в школьные годы, вплоть до шестого класса. Самые дорогие для него — первые снимки. В тот период он видел своего сына, тискал его и нянчил. Но все это в далеком прошлом.

Фотографии Карлоса-подростка напомнили ему, почему он не может позволить себе полюбить Анну Сандерс.

Анна думала, что проголодалась, но, съев половину ужина, отложила вилку. С чашкой кофе она пошла в гостиную. В доме царила полная тишина, которой Анна не помнила уже очень давно.

Она добрела до пианино и села перед ним на стул.

Глядя на закрытую крышку инструмента, она удивилась, почему ее совершенно не тянет играть. Вдруг за ее спиной раздался мужской голос. Она испуганно обернулась.

— Мигель!

— Извини, что испугал, — сказал он, входя в комнату. — Я постучал в кухонную дверь, но тебя там не было.

— Что-нибудь случилось? — спросила она.

С Мигелем действительно что-то произошло. Он не мог есть, спать или вообще что-то делать, не думая об Анне. А сегодня вечером не мог оставаться один в доме, непреодолимая сила влекла его на ранчо, к ней.

— Ничего не случилось. Я подумал, что тебе может понадобиться моя помощь в перевязке рук.

Он понимал, что это неудачное объяснение, но, слава богу, Анна, казалось, не придала этому значения.

Она не отводила от него взгляда, пока он приближался к ней.

— Странно, что ты вспомнил о моих руках. Ведь совсем недавно я так разозлила тебя.

Мигель заметил, что она сменила грязную рабочую одежду на тонкую юбку и майку-топ. Длинные волосы были завязаны в роскошный узел на затылке. Выбившиеся огненно-рыжие завитки рассыпались по тонкой шее. Когда Мигель подошел к ней вплотную, он не смог удержаться, чтобы не запустить в них пальцы.

— Да, я разозлился, — признал он глухим от волнения голосом, — но это не значит, что нужно оставить твои руки неперевязанными.

Хотя они уже несколько раз целовались, Анна не помнила, чтобы его прикосновения были такими нежными, такими интимными. Его пальцы, перебирающие ее волосы, заставили затрепетать все ее тело.

— Я... перебинтовала их после душа, — затаив дыхание, едва выговорила она.

Он опустился на колени рядом с ней, уловил тонкий запах гардении и заметил легкое трепетание губ.

— На самом деле я вспомнил о бинтах, когда уже очутился здесь, — признался он. Потом взял ее руку и посмотрел на раскрытую ладонь. — Вообще-то я пришел, чтобы сказать тебе, что был не совсем прав, когда так разозлился, увидев тебя на лошади. И совсем не прав, когда сказал, что управлять лошадьми не твое дело.

Никогда, даже в самых смелых своих мечтах, Анна не могла предполагать, что услышит извинения от Мигеля. Да еще такие искренние. Она не могла придумать, что сказать ему в ответ.

— Я действительно никогда не участвовала в скачках, — призналась она в свою очередь. — И прекрасно понимаю, какую ответственность ты несешь как управляющий на этом ранчо.

Он улыбнулся ей в ответ, и она поразилась, до какой степени ей приятна его улыбка.

— Когда вернулся домой, я подумал: да, она умеет не только играть на фортепьяно. — Внезапно его лицо стало печальным. — И все равно скакать на жеребце опасно. Надеюсь, ты понимаешь, насколько это опасно.

Она внимательно посмотрела на него и вдруг поняла, что он заботится вовсе не о своей работе, а о ее безопасности. От этой мысли сладко заныло сердце. Он предстал теперь совершенно в ином свете.

— Поверь, Мигель, я прекрасно знаю, где кроется опасность. У меня есть приятель, который прикован к инвалидной коляске из-за падения на трассе. Я не отношусь легкомысленно к скачкам. Но на ближайшие несколько недель это моя работа, и я намереваюсь выполнить ее лучшим образом и по возможности безопасно.

Она думала, что он должен удовлетвориться этим ответом. Ведь Мигель не муж ее и не любовник. А даже если бы и был, то Анна не из тех женщин, которые подчиняются требованиям мужчин.

Мигель восхищался ее независимостью, но вместе с тем негодовал из-за ее безрассудства. Еще не забылось, как тяжко ему приходилось, когда он сталкивался с независимостью Чарлин. В конце концов до него дошло, что она никогда не нуждалась в нем.

— Тогда я попытаюсь держать рот на замке, — сказал он.

Анна перевела взгляд на его губы и почувствовала, как у нее моментально перехватило дыхание. Из всех мужчин, которых она знала, только он один мог заставить ее мгновенно забыть обо всем. О здравом смысле, о морали, о ее клятве никогда не впускать мужчин в свое сердце.

— Может быть, стоит написать это на бумаге? — предложила она с улыбкой.

Он тоже улыбнулся в ответ, но потом, к большому ее разочарованию, перевел взгляд на закрытую крышку пианино и спросил:

— У тебя слишком болят руки, чтобы сыграть мне что-нибудь?

Она посмотрела на забинтованные руки, потом на пианино.

— Я... даже не знаю. Не пробовала.

Она скорее почувствовала, чем увидела, что он снова смотрит на нее.

— А почему нет? Я слышал, музыканты играют даже во время отпуска, чтобы не терять навыка.

— Это так. Но мне что-то не хочется играть.

Ее слова удивили Мигеля. Он думал, что игра на фортепиано — самое большое увлечение ее жизни. Что она хотела сказать?

— А что ты вообще играешь? Классику?

— Иногда и классику. Вообще я играю все. Джаз, кантри, вестерны, мелодии Бродвея. Но больше всего мне нравится Гленн Миллер.

— Может быть, все-таки попробуешь что-нибудь сыграть?

У нее на мгновение остановилось сердце. Почему-то вдруг возникло ощущение, что он попросил ее заняться с ним любовью.

— Я не... — она не могла говорить, только покачала головой.

— Поверь, я не буду обращать внимания на ошибки. Сыграй то, что хочешь сама. Что-нибудь лирическое. — «Как ты сама», — хотел добавить Мигель.

Он заметил нерешительность на ее лице и не стал больше ничего говорить, просто терпеливо ждал, пока она решит сама. Наконец она открыла крышку и пробежала пальцами по клавишам.

— Родители купили это пианино, когда мне было всего пять лет. Оно было старое и дешевое, но я его полюбила. Позже, когда я уже научилась прилично играть, отец предложил купить мне другой инструмент, но я отказалась, уж очень привыкла к этому.

Мигель никогда не думал, что она такая чувствительная. Он вообще не догадывался о многих чертах ее характера. О господи, как же ему хотелось узнать их!

— Но если у тебя болят руки, то не играй, — сказал он.

Анна посмотрела на него и поняла, что играть для него доставит ей огромную радость. Ей показалось, что она вообще училась играть и совершенствовала свою игру все эти годы только для того, чтобы доставить этому мужчине удовольствие. Она начала играть любовную мелодию. Руки были немного напряжены, но об этом знала только она, и комнату заполнили волшебные звуки.

Когда Анна уже кончила играть, Мигель вдруг пропел несколько слов из только что отзучавшей песни. Анна удивленно посмотрела на него.

— Ты знаешь эту песню?

— Да, это «Ночь и день». Ее написал Коул Портер в сороковые годы, не так ли?

Она была поражена, на щеках появился румянец.

— Я не думала, что ты это знаешь.

— На самом деле я плохо знаю композиторов и поэтов. Но иногда люблю смотреть старые фильмы. Там много хороших песен. — Он протянул руку и погладил ее раскрасневшуюся

щеку. — Я догадался, что эта песня о любви, и поэтому ты покраснела, да?

Она не поднимала глаз от клавиш, чувствуя, как колотится сердце.

— Ты попросил сыграть что-нибудь, что мне самой нравится. Я так и сделала. Просто не думала, что ты знаешь слова. Или... что можешь придать им какое-то значение.

Мигель почувствовал, что она пытается отстраниться от него, а тепло, которое он ощущал всего несколько мгновений назад, сменилось холодным безразличием. Он подумал, что такой резкой переменой она хочет показать ему, что никогда ее песня любви не будет предназначена для такого человека, как он.

От этой мысли у него защемило сердце, он поднялся.

— Не беспокойся, Анна. Я никогда не сделаю подобной ошибки.

И ушел. Она старалась держать себя в руках, но вдруг слезы ручьем полились из глаз.

Она поняла, что влюбилась в Мигеля Чейза. В мужчину, который разобьет ее сердце.

Глава ШЕСТАЯ

Прошло три дня, Мигель не появлялся. Вернувшись в дом после работы в конюшне, она услышала телефонный звонок.

— Привет, сестра! Как дела на ранчо?

— Адам! Как твоя нога? — закричала она в ответ.

Пока он рассказывал ей о том, что с ним произошло и как теперь его здоровье, она сняла свои ковбойские ботинки и, забравшись в кресло, уселась поудобнее.

— Я рада, что ты счастливо отделался, — удалось вставить ей в возбужденную речь брата. — Так когда наконец приедешь домой? Ты ведь почти закончил свои дела, не так ли?

— Ты что! Я еще только начинаю. А в чем дело, Анни? Соскучилась по своему брату-двойняшке?

— Да уж, хотелось бы на тебя взглянуть. А представляешь, как бы мы тут с тобой славно покатались вдвоем на лошадях?

— Да, кстати, хочу спросить, как ты там справляешься? Откровенно говоря, не думал, что мама с папой доверят тебе такое тяжелое дело. Наверное, они попросили, чтобы тебе помогал Мигель.

Адам, кажется, не предполагает, что с лошадьми гораздо легче иметь дело, чем со строптивым управляемым. С того вечера, когда она играла на фортепьяно для него, он так и не появился ни разу. Она ненавидела себя за то, что скучает по нему, и пыталась убедить себя, что для нее же лучше, когда его нет рядом.

— С лошадьми у меня все в полном порядке, — заверила она брата.

— »Городская девушка снова в седле...« — пропел он слова из известной песенки. — Готов поспорить, что тебе не хватает огней рампы и аплодисментов.

— Я слишком занята тем, что постоянно вычищаю грязь из-под ногтей после конюшни, чтобы думать о музыке.

Он недоверчиво хмыкнул, потом серьезно спросил:

— С тобой все в порядке, сестра? Знаешь, ты во всем можешь полагаться на Мигеля. В сложной ситуации всегда обращайся к нему.

— Мигель сам всегда очень занят, — ответила она, решив, что никогда не будет просить его ни о чем.

Возникла долгая пауза, и сквозь разделяющие их тысячи километров Анна чувствовала, как брат переваривает и оценивает ее ответ.

— Ты ведь не была дома с тех пор, как уволился Лестер, — наконец произнес он вслух. — Как тебе показался Мигель?

Анна закрыла глаза. Она даже себе не могла признаться в том, насколько глубоко Мигель проник в ее душу. А уж сказать об этом брату и вовсе невозможно.

— Он показался мне очень компетентным.

— Я знаю, насколько он компетентен, сестренка. Я хотел узнать, понравился ли он тебе.

— Почему это вдруг?

Он вздохнул.

— Потому что, когда я впервые произнес его имя, ты просто застыла.

У Анны вырвался стон.

— Да ничего я не застыла! Ты даже меня не видишь. Откуда ты знаешь, в какой я тут позе и какое у меня выражение лица!

Опять последовала долгая пауза, потом брат сказал:

— Ты стала какая-то нервная. Наверное, между вами что-то происходит.

— Ты с ума сошел? Я его едва знаю!

Анна думала, что брат продолжит свои предположения, но он неожиданно сказал:

— Тогда тебе надо с ним познакомиться поближе. Он великолепный человек. И очень одинокий. Ему бы понравилась твоя компания.

— Мама говорит, что он не любит женщин. А я как раз женщина, — сухо напомнила она Адаму.

— Ну и хорошо. Ты должна заставить его понять, что не все женщины такие, как его жена.

Анна тут же ухватилась за возможность что-нибудь разузнать.

— Ты знаешь его жену?

— Только то немногое, что он мне сам рассказал. Но вырисовывается жуткая картина. А ты знаешь, что у них есть сын?

— Ты сказал — сын?

У Анны застыло все внутри, она уставилась неподвижным взглядом на телефон.

— Да. Мне кажется, ему сейчас лет одиннадцать-двенадцать. Мигель много о нем не рассказывает. Но когда рассказывает, сразу видно, как по нему скучает. Плохо, что он не может часто с ним бывать.

— Но хотя бы видит его регулярно?

— Мигель на ранчо уже больше года, и я ни разу не слышал, чтобы сын к нему приехал. И Мигель, по-моему, тоже не ездил в Техас. Но я не спрашивал. Стараюсь не лезть в чужие дела.

Потом Адам начал говорить на другие темы, но Анна почти ничего не слышала. Ее мысли все время вертелись вокруг того, что она только что узнала о сыне Мигеля. Где он сейчас, почему Мигель никогда не говорит о нем?

После разговора с Адамом Анна пошла в ванную.

Она приняла решение выкинуть Мигеля из головы. Ее вообще не касается, есть у него сын или нет. Но все время звучали слова Адама: Мигель очень одинок, он очень скучает по своему сыну.

Одно решение сменялось другим. Наконец она сдалась и решила последовать совету Адама: составить компанию Мигелю. Она сможет забыть о нем только тогда, когда он сам попросит ее об этом.

Анна сделала легкий макияж, но так, чтобы у Мигеля не было повода подумать, что она хочет соблазнить его. Потом вынула из холодильника холодное мясо, которое приготовила еще вчера. Мясо, хлеб и овощи она сложила в сумку и отправилась на маленьком автомобиле на ранчо. На полпути она встретила Мигеля, который ехал ей навстречу.

— Ты куда? — спросил он.

Анна изумленно смотрела на него. Она никогда не видела его таким. Безукоризненно выглаженная белая рубашка, чистая серая фетровая шляпа. Он явно куда-то собрался.

— Я решила... навестить тебя.

Она посмотрела на сумку с продуктами. Наверное, разговор с Адамом лишил ее рассудка. Надо быть полной идиоткой, чтобы решить, что Мигелю нужна ее компания.

— А что-то произошло? — спросил Мигель.

— Нет. Я... — Она пожала плечами, от души жалея о своем поступке. — Почему-то я подумала, что ты еще не ел, а у меня много мяса.

Он внимательно посмотрел ей в лицо, явно ожидая подвоха.

— Вообще-то я решил отправиться куда-нибудь поужинать.

— А-а...

В ее глазах появилось такое разочарование, что Мигель выругался про себя. Но ведь за

последние три дня она не сделала ни одной попытки встретиться с ним. Поэтому ему показалось очень подозрительным, что она вдруг решила с ним поужинать.

— Почему бы тебе не сказать прямо, что ты задумала, — сказал он.

Анна вся напряглась.

— Я ничего не задумала, — холодно ответила она. — Просто хотела поужинать с тобой. Но совершенно очевидно, что у тебя другие планы.

Она включила мотор и уехала. Всю дорогу ее лицо пыпало от унижения.

Хороший урок, думала она. Мужчины все узколобые эгоисты. Впервые она поняла это со Скоттом, а теперь вот Мигель напомнил ей об этом.

В тот самый момент, когда она решила больше ни разу в жизни не делать дружеских шагов навстречу мужчинам, дорогу ей внезапно загородил автомобиль Мигеля. Она резко нажала на тормоза. Щебенка брызнула во все стороны, а ее машина остановилась всего в половине фута от автомобиля Мигеля.

Дрожа от гнева и страха, она выбралась из машины. Мигель уже стоял на дороге.

— Надеюсь, что твои родители платят страховку, если ты привыкла ездить подобным образом, — усмехаясь, сказал он.

— Ты хотел, чтобы мы оба разбились? Мигель не мог не заметить, как от гнева вспыхнули ее глаза. Она на самом деле была красивой женщиной. Но еще более красивой ее делал гнев, от которого пылали щеки и глаза. Иногда он специально провоцировал ее, чтобы насладиться этим зрелищем.

— Ты уехала, даже не попрощавшись. Я решил предоставить тебе эту возможность.

Его слова были настолько неожиданными для нее, что она не смогла сдержать улыбку.

— Ты с ума сошел, — сказала она.

Он смотрел, как ветер развеивает ее огненные волосы.

— Хочешь поехать со мной в город поужинать?

— Не надо притворяться, что ты сам этого хочешь. Я бы предпочла, чтобы ты всегда говорил мне правду.

Да, Мигель действительно хотел, чтобы Анна поехала с ним. Он прекрасно понимал, что она не та женщина, которую было бы разумно пустить в свою жизнь. Но он также понимал, что никто его так не волнует, как она.

— Если бы я не хотел, чтобы ты поехала со мной, не просил бы тебя об этом.

Его лицо было почти скрыто широкими полями шляпы. Анна несколько мгновений размышляла, что ей делать. Она же специально ехала, чтобы увидеть его, побывать с ним и, возможно, что-то узнать о его сыне. И поездка в Руидозо может быть очень кстати. Они будут в общественном месте, где вряд ли возможна какая-то физическая близость.

— Хорошо, — ответила она. — Я только оставлю свою машину на ранчо.

Уже через пять минут Анна сидела с Мигелем в его черном «эксплорере».

Когда они остановились у светофора, Анна подумала, что впервые со времени своего приезда уезжает с ранчо. Она была так занята, что время пролетело незаметно, но совершенно не скучала. И что странно, не скучала она ни по игре на фортепьяно, ни по путешествиям.

— Я слышала, что выгул на пастбище закончился, — сказала она, когда машина вновь набрала скорость.

— Кто тебе сказал?

— Один из твоих помощников. А почему ты мне сам не сказал об этом?

— Я был занят. У меня не было времени ехать в конюшню.

Он лжет, подумала Анна, но решила ничего не говорить. Хотя его явное стремление отдалиться от нее озадачило ее.

— Если бы я знала, что Коул Портер повергнет тебя в такое настроение, я бы лучше сыграла Бетховена, — попыталась пошутить она.

Но Мигелью не хотелось говорить об этом. Последние три дня он старался забыть, как она выглядела, забыть ту прекрасную музыку, которая рождалась под ее пальцами, а больше всего то желание, которое он увидел в ее глазах. Именно поэтому он ушел тогда, не попрощавшись, и не возвращался. Она являла собой искушение, которое он не мог преодолеть.

— У меня не было никакого такого настроения, Анна.

Она взглянула на него и вдруг поняла, какое же наслаждение вот так сидеть рядом с ним, смотреть на него.

— Значит, ты не хотел быть со мной.

— Я не говорил этого. Но теперь, когда ты сама произнесла эти слова, думаю, нам надо быть честными друг с другом. — Он тяжело вздохнул.

Она смотрела на него, ожидая продолжения. Мигель почувствовал ее взгляд и повернулся к ней.

— Мы не можем быть вместе, — сказал он. — Мы будим друг в друге самые плохие воспоминания.

«Странно, что он сказал это, — подумала Анна. — Самые лучшие воспоминания в моей жизни были как раз о его объятиях».

— Почему? — спросила она.

— Потому что мы с тобой как лед и пламень. Мы можем уничтожить друг друга.

Родная мать Анны уничтожила почти все, к чему прикасалась. У нее была возможность любви и счастья, но она сделала свою жизнь кошмаром. Анна боялась, что и она сама может оказаться в таком же положении. Особенно когда она смотрела на Мигеля и желала того, что никогда не может произойти.

— Тебе не кажется, что ты преувеличиваешь? — спросила она. — Да, мы разные люди, но барьер можно преодолеть.

— Вот это преодоление больше всего беспокоит меня, Анна.

— Не знаю, почему это должно так беспокоить тебя. Ведь мой отец не заставит тебя под страхом смерти жениться на мне, раз мы с тобой целовались.

— Может быть, для тебя поцелуй ничего и не значит. Но для мужчины это зеленый свет. Все очень просто.

Чем дальше, тем сильнее его слова ранили ее. Она надеялась в душе, что не только страсть или гнев заставили его обнять и поцеловать ее.

Она устало вздохнула.

— Хотя я не спала ни с одним мужчиной, я понимаю мужчин и их поведение, Мигель. Шесть недель назад я даже собиралась выйти замуж.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Ты была помолвлена?

Она кивнула, сама удивляясь, почему вдруг призналась в этом. У нее не было намерения когда-либо рассказывать ему. Какая женщина в здравом уме станет рассказывать о том, как ее обманули?

— Да, и даже готовилась к свадьбе, — продолжала она.

— А что же произошло? Ты решила, что он не вписывается в твою блестящую карьеру?

— Да, с другой женщиной у него на плече. Трое — это уже толпа. Особенно когда речь идет о браке.

— Ты хочешь сказать, что он изменил тебе?

Ее губы растянулись в усмешке. Слава богу, предательство Скотта больше не причиняло ей

боли, просто она теперь знала цену мужчинам и их верности. Надо быть ненормальной, чтобы доверять кому-то.

Она вздернула подбородок.

— Когда ты входишь в комнату и застаешь своего жениха в постели с другой женщиной, это не есть измена. Это... это плохо, но можно пережить.

Мигель даже представить себе не мог, что такое могло произойти с Анной. Ведь она настоящая красавица, и хотя иногда кажется холодной и недоступной, но отблески внутреннего огня он замечал в ней не раз. Как мог мужчина изменить ей с другой? Она способна дать больше, чем он может мечтать. Да, но страсть — это еще не все, напомнил себе Мигель. Этому Чарлин его научила.

— Значит, твой жених оказался неразборчивым в связях, и поэтому ты с разбитым сердцем вернулась домой? — спросил он.

Давно следовало догадаться, что Анна вернулась домой не просто в отпуск. Ничего удивительного, что она так страстно ответила на его поцелуй. Искала, кто может успокоить ее женскую гордость, и по какой-то причине выбрала его.

— У меня вовсе не разбитое сердце. Сейчас, когда наши с ним отношения в прошлом, я думаю, что никогда по-настоящему не любила его. На самом деле я даже рада, что он исчез из моей жизни.

— Черт, ты говоришь о нем как о старом платье, которое ты решила выбросить.

— Совсем наоборот. У меня есть платья, которые мне дороже, чем этот... обманщик.

Мигель понимал, что она была вправе рассердиться, но не мог допустить, что она может быть такой же безжалостной, как и Чарлин, которая бросила его, как старую ненужную вещь.

— В тот день, когда на ранчо приехал Рой, я действительно подумал, что ты... не бессердечная особа. Но сейчас я сомневаюсь, любишь ли ты вообще кого-нибудь.

Она сжала зубы, чтобы не дать выход клокотавшему в ней гневу.

— Ты считаешь меня бессердечной, потому что у меня хватило здравого смысла выгнать лжеца и обманщика? Кому ты делаешь хорошо, продолжая вздыхать по своей бывшей жене? Если бы она была стоящей женщиной, ты бы не отпустил ее, верно?

— Что ты знаешь о моей бывшей жене? — в ярости воскликнул он.

— Ничего! Кроме того, что она была су... трудным человеком. Или это не так? Может быть, вина за развод лежит на тебе? И поэтому ты не видишься с собственным сыном?

Как только эти слова слетели с ее губ, Анна пришла в ужас. Она вовсе не собиралась произносить их. Но он так действовал на нее, что малейший взгляд, мимолетное слово могли тут же взвинтить ее.

Лицо Мигеля мгновенно окаменело. Не отрывая глаз от дороги, он начал медленно краснеть.

— Кто рассказал тебе о моем сыне? Что, кто-то уже сплетничает?

Несмотря на сковавший ее ужас, Анна взорвалась:

— Вряд ли это можно назвать сплетнями! Или ты стыдишься собственного ребенка?

Мигель резко нажал на тормоза и свернул к обочине. Потом повернулся к ней.

— Я не стыжусь своего сына! А ты больше никогда не смей говорить о нем!

— Почему? — осмелилась спросить она.

— Потому что это тебя совершенно не касается!

Анна вдруг поняла, что в его глазах горит не только гнев. Ее слова невольно обнажили в нем что-то, что отчетливо отразилось в его взгляде.

— Да, меня это не касается. Зато должно касаться тебя!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что узнала о твоем сыне, к сожалению, от своего брата. Поэтому мне не кажется, что ты гордишься своим отцовством.

— Ты даже не представляешь, насколько ты не права в своих суждениях обо мне! Обо мне и о моих взаимоотношениях с сыном.

Он говорил с ней тихим, угрожающим тоном. Анне показалось, что он готов буквально задушить ее. Но ей уже было совершенно все равно, она переступила грань. Она сделала это, потому что не могла иначе.

— Ты тоже думал, что я не гожусь ни на что другое, кроме как играть на фортепьяно, — парировала она.

Ее слова попали в цель. Он вздохнул и откинулся на сиденье.

— Мигель, я вовсе не хотела сказать, что ты плохой отец. Я просто хотела побольше узнать о твоем сыне. Почему, например, его нет здесь с тобой, — более мягким тоном произнесла она.

Он ничего не ответил. Анна вздохнула, потом, почувствовав, что слезы начинают застилать глаза, отвернулась и стала смотреть в окно.

— Наверное, я обидела тебя... ты просто не хочешь делиться со мной этой стороной своей жизни.

В машине повисло долгое молчание. Повернувшись к Мигелю, она увидела, что гнев на его лице сменился печалью.

— Ох, Анна, — мягко сказал он, — ты не должна обращать на это никакого внимания. Зря ты вмешиваешься в мою жизнь... ничего хорошего из этого не выйдет. Ни для кого из нас. Ты ведь скоро уедешь отсюда.

Мигель пытается дать ей понять, что для нее нет места в его жизни, как, впрочем, и на этом ранчо. Отвернувшись, чтобы он не заметил предательскую влагу в ее глазах, она ответила:

— Возможно, я не скоро уеду отсюда. Может быть, я вообще решу остаться.

— Ты говоришь ерунду.

Ей хотелось закричать, но она сдержалась, чтобы не дать ему повод называть ее еще и истеричкой.

Стараясь сохранять спокойствие, она произнесла:

— Как можно говорить, что человек несет ерунду, когда решает остаться дома? Если ты можешь сказать такое, то, значит, у тебя нет сердца.

— Я не это хотел сказать. Просто я считаю, что на твоем месте было бы глупо бросать карьеру.

— Но ты-то бросил, — напомнила ему Анна.

— У меня никогда не было никакой карьеры, — изумленно ответил он.

— Ты же был полицейским.

— Вот уж не собирался оставаться им до конца своих дней. А у тебя талант. И ты никогда не будешь счастлива, если забросишь музыку. Через пару месяцев тебя здесь не удержишь. Не говоря уже о деньгах, с которыми тебе придется расстаться.

Всю жизнь Анна выслушивала именно эти слова и поэтому верила, что выбора у нее нет. Как только у нее самой появлялись мысли о том, чтобы бросить музыку, чувство вины захлестывало ее. Она не хотела быть неудачницей, как Белинда. Но неужели она никогда не будет иметь семью, дом?

— Всегда легко давать советы людям, стоя от них по другую сторону забора.

Он вздохнул, потянулся к ключу зажигания, но остановился.

— Я думаю, что ты сама не знаешь, чего хочешь, Анна.

Две недели назад она согласилась бы с ним. Но теперь знала наверняка, чего хочет. Она хочет быть рядом с Мигелем. Хочет прикасаться к нему. Хочет играть для него. Хочет

просыпаться рядом с ним каждое утро, смотреть на горы и знать, что она дома.

Но как она могла сказать ему об этом? Он равнодушен к ней. Считает ее молодой вертихвосткой.

— А ты-то сам знаешь, чего хочешь? — мягко спросила она.

С каменным выражением лица он включил зажигание.

— Именно сейчас я хочу поужинать, — ответил он. — А что касается твоего вопроса, то это мое дело, но никак не твое.

Анна в смятении вспоминала слова брата о том, что Мигель одинокий человек и ему нужно ее общество. Может, она сошла с ума, поверив ему?

— Я постараюсь запомнить это, — пообещала она.

Ужин прошел спокойно. Мигель взял бифштекс, Анна — креветочный салат. Они болтали о местных происшествиях, о ранчо и о предстоящей работе. Но, несмотря на это, Анна чувствовала, что между ними пролегла пропасть. Не понятно, почему это произошло: то ли они чересчур много лишнего сказали друг другу, то ли чего-то недоговорили. И она почувствовала облегчение, когда Мигель предложил уйти из ресторана.

Когда они шли к машине, им навстречу попалась молодая пара. Мужчина вел за руку малыша, женщина на руках несла младенца. Анна посмотрела вслед им с непонятной завистью. Многие из друзей ее детства уже обзавелись семьями. Вайолет была беременна, Хло намекнула, что Эмили тоже ждет ребенка. А у нее на горизонте ни семьи, ни детей.

Мигель прервал ее мысли:

— Что-то ты затихла.

— Я... просто задумалась.

— А ты что, знаешь этих людей? — спросил Мигель.

— Нет. Они... просто, глядя на них, я подумала: что для человека значит иметь детей? Он скептически поднял брови.

— А ты сама когда-нибудь хотела иметь детей?

Она опустила глаза и кивнула в ответ:

— Я всегда хотела иметь детей.

— Ну а как ребенок может вписаться в твою жизнь?

При этом мужа он не упомянул. Потому что сама мысль о мужчине, каком-то мужчине, занимающемся любовью с Анной, была непереносима для Мигеля.

— Так же, как ребенок вписывается в жизнь любой другой женщины, — ответила она.

— Но как ты можешь быть матерью?

Она подняла голову и посмотрела на него темными обиженными глазами.

— Ты говоришь обо мне как о каком-то уроде! Если я зарабатываю на жизнь тем, что развлекаю других людей, то это не значит, что я чем-то отличаюсь от других женщин. Мне хочется того же, что и им. Мне это нужно.

Мигель подумал, что Анна не права. Она отличается от других женщин своей карьерой. А если не понимает этого, то рано или поздно столкнется с большой проблемой.

— Ты уже один раз была вынуждена расторгнуть помолвку. Неужели ты не связываешь это со своей карьерой?

— Нет. Скотт мне сам разрешил продолжать гастроли.

— Возможно, Скотт устал от того, что тебя нет рядом. — Он выразительно посмотрел на нее. — Дети и мужья требуют внимания.

Анна заметила, что они едут вовсе не по той дороге, которая ведет в город.

— Куда мы едем?

— Ты что, не узнаешь?

Она облизала пересохшие губы, сердце вдруг начало колотиться как бы в предчувствии чего-то.

— Уже темно. А я давно не была в окрестностях Руидозо.

— Мы едем на гору.

— Сьерра-Бланка? Но зачем?

— Не спрашивай.

Хорошо, что Анна не боялась высоты. Узкая асфальтовая дорога вилась высоко в гору. Она пыталась понять, зачем Мигель везет ее в такое место.

На вершине горы Мигель заглушил мотор, и они вышли из машины.

— Ну и что мы будем здесь делать? — спросила она.

— Наслаждаться видом, — ответил он и, взяв ее за плечи, отвел на смотровую площадку.

Несмотря на пронизывающий холод, Анна не могла не восхититься открывшейся перед ней красотой горной долины.

— Ты когда-нибудь приезжала сюда зимой покататься на лыжах? — спросил он.

— Много раз. Хотя я катаюсь не так хорошо, как мой брат. Но мне всегда удавалось съехать с горы, не сломав себе шею. А ты катаяешься с гор?

— Нет. Я вообще не люблю общественные виды спорта. Но Чарлин любила.

— Чарлин? Твоя жена? — спросила Анна.

— Да. Мы были женаты полтора года.

— Так недолго? Значит, ты давно уже в разводе. И не можешь забыть ее? Почему? — сдавленным голосом спросила она.

— Ты неправильно поняла меня, Анна. Я давным-давно забыл Чарлин. Но забыть боль, которую она мне причинила, — это совсем другое дело.

— Расскажи мне, — мягко попросила она.

— Ты совсем замерзла. Поедем. — Он обнял ее.

— Я хочу знать, — настаивала она.

— Чарлин родом из очень богатой и уважаемой семьи в Альбукерке. Я познакомился с ней на благотворительном вечере, который устраивал шериф графства. Она была очень красивой, и мне польстило ее внимание. Я женился на ней, так как думал, что она полюбила меня. И мне казалось, что и я полюбил ее. Но через несколько месяцев я понял, что наш брак был всего лишь очередной авантюрой для нее. И она очень скоро захотела свободы.

Анна в ужасе смотрела на него.

— Но если она родила сына, значит, серьезно относилась к замужеству.

Его лицо окаменело, а от короткого смешка, сорвавшегося с губ, ей стало не по себе.

— Чарлин пришла в ярость, когда узнала о беременности. Я умолял, делал все, что мог, лишь бы отговорить ее от абортов. Она хотела развода, а я — ребенка. И мы заключили сделку.

— И что же произошло, когда она родила сына?

— Когда родился Карлос, у Чарлин вдруг проснулся материнский инстинкт. Она хотела иметь сына и хотела развестись.

— Но ты пробовал стать опекуном? Он угрюмо кивнул.

— Да, на первых порах я приложил к этому все силы. Но отец Чарлин был председателем городского совета, а все судьи — его лучшие друзья. Кроме того, у ее семьи было достаточно денег, чтобы судиться со мной до бесконечности. Я сдался, приняв во внимание еще и тот факт, что они могли дать Карлосу гораздо больше, чем я. Чарлин еще раз вышла замуж. Слава богу, ее жизнь теперь устроена. Ее муж относится к Карлосу очень хорошо, как к родному сыну.

Анна повернулась к нему и положила руку ему на грудь, туда, где билось сердце.

— Но ты же его отец, Мигель. Тебе не кажется, что ты ему нужен?

Он проглотил комок в горле, нежно провел пальцами по ее щеке.

— Я никому никогда не был нужен, Анна. Никому.

Глава СЕДЬМАЯ

Анна сразу заметила, что с жеребцом не все в порядке, и велела конюху отвести его в конюшню.

— Перевязать ему ногу? — спросил молодой конюх.

Анна покачала головой.

— Нет. Я не знаю, что с ним. Нельзя начинать лечение, пока не узнаем, в чем дело. Мистер Чейз был на ранчо утром?

— Да, мэм. Он уже уехал.

Анна хотела, чтобы Мигель осмотрел лошадь и посоветовал, как поступить в данном случае. Но она не могла ждать, пока он вернется на ранчо. Нельзя было медлить с осмотром, вдруг состояние ухудшится. Анна пыталась дозвониться до ветеринара, к которому обычно обращалась ее мать, но тот уехал по вызову на целый день. Второго врача тоже не было. Анна попросила передать, что будет ждать его приезда.

С того вечера, когда они с Мигелем ужинали в Руидозо, прошла неделя. Теперь она понимала, что он не самонадеянный одиночка, каким ей представлялся. Бессердечная женщина нанесла ему глубокую рану. Он не может забыть о своем неудачном браке, потому что его единственный сын, которого он любит и по которому скучает, живет не с ним. Ему для восстановления душевного равновесия, думала Анна, необходим постоянный контакт с сыном.

Она не знала, как помочь Мигелю и должна ли вообще помогать ему. Анна постоянно вспоминала его слова, что они с ним очень разные люди, как лед и пламень. Может быть, они действительно не подходят друг другу и он никогда не полюбит ее. Но что поделать с сердцем, которое замирает при одном воспоминании о нем! А какую радость она испытывает, когда он находится рядом! Она любит этого мужчину.

— Что, черт возьми, он здесь делает? — воскликнул Мигель, не успев спрыгнуть с лошади.

Элмер, пожилой помощник управляющего, посмотрел на молодого ветеринара, беседующего с Анной.

— Мисс Анна вызвала ветеринара, — объяснил он.

Мигель фыркнул.

— Но почему этого?

— Хло велела обращаться к нему в отсутствие нашего.

— Не знаю, как это юнец разбирается в лошадях, но могу поспорить, что пять минут он работает с лошадью, а сорок пять — болтает с Анной.

— Гмм. Ну и что? Мисс Анна, наверное, скучает здесь одна.

Мигель как-то странно посмотрел на помощника, но ничего не сказал. Чего доброго подумает, будто он ревнует. Так или иначе, но ему не нравилось, что доктор Далтон флиртует с Анной. Этот доктор имел репутацию дамского угодника, а Анна уже получила травму от такого же хлыща.

Мигель подошел к ним, еле сдерживаясь, чтобы не схватить ветеринара за ворот и не дать ему пинка. Его злило, что кто-то может смотреть на Анну глазами собственника.

От Анны не ускользнул тяжелый взгляд, который Мигель бросил на ветеринара. Она не знала, что у него на уме, но поняла, что причина в ней.

— Мигель, ты знаком с доктором Далтоном? — спросила она.

Он холодно кивнул.

— Да, мы знакомы.

Доктор был высок и строен, с красивыми пышными усами. Мигель мрачно подумал, что

Анна, вероятно, находит его привлекательным. Она так мило улыбалась ему...

Анна нахмурилась.

— Захромал один из жеребцов. Тебя не было, поэтому я подумала, что лучше позвать доктора Далтона.

— Ну и что он обнаружил? — Мигель обратился почему-то к ней.

— Доктор боится, что перелом. Возможно, завтра придется везти лошадь на рентген.

Мигель перевел взгляд на ветеринара.

— Почему бы вам самому не отвезти сегодня жеребца? Зачем Анне ехать в Руидозо? Вы же приехали на грузовике.

Доктор пожал плечами.

— Я бы не стал ставить лошадь в мой грузовик. Сегодня утром я перевозил в нем животных, заболевших чумой.

У Мигеля потемнело лицо, и Анна испугалась, что он сейчас взорвется.

— Тогда убирайте его к черту отсюда! — закричал он. — Имейте в виду, Далтон, если одна из лошадей Анны хотя бы чихнет, вам не поздоровится!

Анна видела, что ветеринар хотел ответить так же резко, но потом решил быстрее ретироваться.

Когда он уехал, Анна возмущенно повернулась к Мигелю.

— Что ты наделал!

— Попытался спасти лошадей Хло. Проклятый идиот! О чем он только думал, когда ехал сюда на заразном грузовике?

— Но может быть, он продезинфицировал его до приезда к нам; Ну а потом все же решил подстраховаться, — возразила она.

Мигель взорвался:

— Если бы ты смотрела не только на него, то увидела бы, что в грузовике полно лошадиного навоза.

Анна пришла в смятение. Как она ничего не заметила? Но Мигелю все равно не стоило так сердиться.

— Хорошо. Но ты не должен был так разговаривать с ним, как будто он... кусок деръма.

— По мне, он как раз такой и есть.

Мигель повернулся и пошел к конюшне.

Анна вспыхнула от гнева и побежала за ним.

— Что ты имеешь в виду?

Даже не остановившись, он бросил через плечо:

— Именно то, что сказал. А завтра я поеду вместе с тобой.

— Зачем? — Она схватила его за руку.

Он оглянулся и посмотрел на нее. Румянец заливал ее щеки, зеленые глаза горели. Мигелю больше всего хотелось сейчас обнять и расцеловать ее. Хотелось завладеть ее телом и душой. Но это значило опять нажить сердечную боль.

— Потому что я не хочу, чтобы ты одна встречалась с ним.

— Ты что... ревнуешь, Мигель? — удивленно спросила Анна.

Гневная гримаса исказила его лицо.

— Нет! Просто я не хочу, чтобы Хло узнала, что ее дочь спуталась с таким человеком.

«Таким»? На самом деле ей было все равно, какой человек доктор Далтон. Она хотела, чтобы вылечили ее лошадь, и больше ничего. А Мигель понимает, что интересен ей только он? Или не хочет понимать?

— Ты и вправду считаешь меня такой дурой? Ты думаешь, что если я одна, то обязательно

совершу какую-нибудь глупость?

— Да, я так думаю. Потому что еще немного времени — и ты бы согласилась пойти на свидание с доктором Далтоном. И это женщина, которая, как я сам слышал, клялась больше никогда не обращать внимания на мужчин! — хмуро ответил он. От гнева ее лицо стало пунцовым.

— Ты не знаешь, о чем говоришь! Я с доктором Далтоном говорила только о лошадях. Но даже если мы обсуждали что-то еще, то какое тебе дело? Ты же не любишь меня!

Мигель неожиданно для себя схватил ее за плечи и притянул к себе.

— Ты не знаешь, что значит любить, Анна! Ты...

Он задохнулся, потому что Анна прильнула к нему и обхватила его лицо ладонями.

— А ты думаешь, ты знаешь? — прошептала она. — Если бы знал, то понял бы, что я сейчас чувствую. Что чувствую каждый раз, когда смотрю на тебя.

Мигель уже не мог противостоять желанию, которое пульсировало в его теле, подобно языческому боевому танцу.

— Тебе не следует говорить мне такие вещи, Анна, — хриплым голосом прошептал он. — А мне не следует их слушать.

Он смотрел на ее губы и уже не в силах был сопротивляться. Он целовал ее, чувствуя себя в раю и аду одновременно. Он дрожал от желания...

Наконец Анна оторвалась от него и посмотрела ему в глаза.

— Ты считаешь меня молоденькой дурочкой. Ты считаешь, что единственное мое желание — играть на фортепьяно для аудитории, купаться в лучах славы. Но я не этого хочу, Мигель. Я хочу тебя.

Если бы она могла заглянуть в его душу, то увидела бы, как неистово он желал ее!

Мигель отвел взгляд. Как ему раскрыться перед этой женщиной, если Чарлин отравила его сердце?

Сомнений нет — если Анна уедет, то его только что возникшая любовь погубит его, он будет конченым человеком.

— Мы часто хотим того, что делать нам нельзя. Ты, Анна, поймешь это... когда станешь старше... и уедешь отсюда.

Она хотела спросить, что нужно ему. Если не она, то, может быть, его сын? Но тут вошли два ковбоя и помешали продолжить разговор.

Анна повернулась спиной к Мигелю и попыталась привести в порядок свои чувства, которые так внезапно для нее самой выплеснулись. Она вовсе не собиралась говорить ему о том, как страстно желает его. И теперь эти чувства и желания невозможно скрывать ни от себя, ни от Мигеля.

— Я волнуюсь за лошадь, — неловко перевела она речь на другое. — Может быть, ты посоветуешь, что надо делать?

— К чему тебе мой совет? Ты уже обратилась к профессионалу.

— Но как ты можешь упрекать меня за это! Я же не вправе рисковать, когда речь идет о лучшем скакуне моей матери!

Мигель прекрасно понимал, насколько необоснованна его ревность. Он не имел никакого права бросать ей подобные упреки. Но непреодолимое желание, чтобы она принадлежала только ему, мешало трезво мыслить. Он постарался взять себя в руки.

— Я посмотрю жеребца, Анна. Но ты должна помнить, что у меня нет за плечами восьми лет учебы, как у Далтона.

Она улыбнулась ему так, как будто он достал для нее звезду с неба.

— Но у тебя гораздо больше лет практики за плечами, Мигель. По моему мнению, это

намного важнее.

Мигель никогда не думал, что у него есть тщеславие. Но слова Анны наполнили его грудь странным самодовольством.

— Пошли. Жеребец стоит вон там, — сказала ему Анна.

Мигель вслед за ней подошел к стойлу.

— Все было как всегда, — говорила Анна. — Вчера я пару раз пустила его по кругу. Он и не спотыкался вроде. Но с утра у него неожиданно опухла нога.

Мигель подошел к каурому жеребцу и ласково поздоровался с ним. Потом, потрепав его по спине и по шее, аккуратно поднял больную ногу. Внимательно осмотрев ее, он достал из кармана небольшой нож и постучал им по копыту. Жеребец тут же заржал от боли и выдернулся ногу.

— Когда последний раз подковывали его? — спросил он. — Подковы выглядят совсем новыми.

— Вчера днем.

— Ему наверняка повредили копыто. Надо немедленно снять подкову. Принеси мне плоскогубцы.

Анна бегом принесла инструмент и стала наблюдать, как Мигель осторожно снимает подкову.

— Видишь, кузнец случайно пробил гвоздем ему кость. Похоже, началось заражение крови.

— О, Мигель, как ты догадался снять подкову? Я удивляюсь, почему доктор Далтон не сделал этого.

«Потому что он рассматривал не лошадь, а тебя», — подумал Мигель, но вслух ничего не сказал.

— Теперь мне не надо ехать с ним в Руидозо на рентген! — радостно воскликнула Анна.

— Нет, надо. Ему необходимо лечение.

— Ты просто скажи, что мне делать, — попросила она.

Такого доверия от Анны Мигель никак не ожидал. Теплая волна захлестнула его. Чарлин никогда не считала его умным. Ей просто нравилось, как он выглядел в джинсах и в ковбойской шляпе. Ей даже в голову никогда не приходило узнать, что же он за человек на самом деле. Ей было все равно, с горечью подумал он.

— Да, я могу, конечно, посоветовать тебе, что надо делать. Но лучше отвезти его к ветеринару. Он пропишет ему антибиотики, а я не вправе этого сделать.

— А когда ты сможешь поехать со мной? — спросила она.

— Я не поеду.

Анна удивилась.

— Но ты же сказал...

— Забудь об этом. Я просто был вне себя.

Мигель опустил глаза, а Анна подумала: если он тогда и испытал приступ ревности, то сейчас явно жалеет об этом.

— Я уже начинаю привыкать к твоему характеру, — пошутила она. — Мне кажется, что ты не можешь не командовать мною.

Анна никогда еще не разговаривала с ним с такой мягкой улыбкой, и Мигель поневоле смущился.

Они оба понимали, что за последние несколько минут их взаимоотношения изменились. Неважно, что ждет их впереди, но он уже никогда не сможет забыть ее руки на своих щеках, ощущение ее губ на своих, ее жаркий шепот...

— Увидимся завтра, когда ты вернешься, — отрезал он и вышел из конюшни, не дав ей

возможности возразить.

На следующий день Анна вернулась из Руидозо почти в полдень. Она привезла с собой антибиотики, которые прописал доктор Далтон, и мазь. Доктор был немного раздражен тем, что Мигель без его ведома снял подкову и поставил диагноз, но признал, что тот абсолютно прав. Анна прекрасно видела его смущение от собственной легкомысленности.

К удивлению Анны, дома ее встречали кузина Эмили и Гарлен. За ними шел Мигель. Значит, он прекрасно знает членов ее семьи.

— Анна! — Эмили подбежала к ней и крепко обняла. — Ты с каждым разом становишься все красивее!

Анна видела свою старшую кузину впервые после свадьбы Чарли и Вайолет. Гарлен тогда только родился. Теперь он был пухлым малышом, а Эмили светилась от счастья. Она так долго страдала, прежде чем ей удалось воссоединиться со своей любовью.

— Да уж, настоящая красавица, особенно в этой грязной одежде. Но тем не менее спасибо за комплимент, — рассмеялась Анна.

— Мигель говорит, что захромал один из скакунов. Твоя мать уже знает об этом?

Анна кивнула.

— Да, я рассказала ей вчера по телефону. Но она не беспокоится, так как уверена, что Мигель справится.

Она взглянула на Мигеля, который так и не проронил ни слова.

— Хло не тому доверяет, — сказал он. — Вот Анна действительно хорошо ухаживает за лошадьми.

— Ну что ж, я очень рада, что Хло не о чем беспокоится. Было бы жаль, если бы ей пришлось прервать отпуск. Даже не помню, когда она уезжала отдыхать. Виатт иногда отлучается по делам, но твоя мать крайне редко покидает ранчо. Ей просто необходимо отдохнуть. Ну а как ты? — обратилась Эмили к кузине. — Нравится дома?

— Дома просто чудесно, — ответила Анна.

Она опустилась на колени, чтобы поздороваться с Гарленом. У него были светлые волосы и голубые глаза, как у его матери.

— Привет, Гарлен, — нежно проговорила Анна. — Ты уже умеешь говорить? Скажи: «мама», «папа».

Маленький Гарлен показал пальцем куда-то через ее плечо и произнес:

— Лошадка!

Анна рассмеялась, а Эмили всплеснула руками.

— Ну что поделаешь, если у него это в крови!

— Хочешь покататься, Гарлен? — спросила Анна ребенка.

Малыш радостно кивнул. Эмили сделала серьезные глаза.

— Анна, не сажай его на лошадь, а то потом уже не снимешь.

Анна снова рассмеялась и похлопала малыша по животику.

— Надо немного подождать, Гарлен. Подрастешь, и мы с тобой будем скакать целыми днями.

— Давай, давай, балуй его. Но я отплачу тебе тем же, когда ты сама родишь ребенка, — улыбаясь сказала Эмили.

Чувствуя себя чужим, Мигель постарался незаметно ускользнуть. Его волновал вид Анны в кругу семьи. Особенно когда она щебетала с Гарленом. Ему не хотелось представлять ее в качестве любящей матери. Легче было думать, что она не для этого предназначена. Тем не менее восхищенный взгляд, которым она смотрела на ребенка, запечатлся в его мозгу, как и многие другие моменты, связанные с Анной.

Он подошел к грузовику, вывел жеребца и отвел его в конюшню. Потом достал лекарства и положил их в холодильник, решив обсудить лечение лошади после того, как кузина уедет.

А женщины тем временем продолжали оживленно обсуждать семейные дела. Вдруг Эмили с тревогой проговорила:

— А где Гарлен?

— Не знаю! Я не заметила, как он ушел! — воскликнула Анна.

Они увидели ребенка одновременно. Мальчик разгуливал в загоне для пони. На глазах у женщин он неожиданно перелез под перегородкой в загон огромного жеребца, отличавшегося горячим нравом. Анна похолодела от ужаса, не зная, как жеребец отреагирует на ребенка. Они с Эмили побежали к загону. В этот момент жеребец заметил Гарлена.

— Гарлен! Гарлен, иди к маме! — закричала Эмили.

Но крик матери только испугал мальчика. Он остановился и заплакал. За его спиной жеребец начал рыть копытом землю и фыркать.

От загона женщин отделяли два забора. Они бегом подбежали к первому, быстро вскарабкались на него. Анна боялась, что не удастся добежать вовремя. Раздался крик Мигеля, который стрелой промчался мимо них и приземлился в загоне в тот момент, когда жеребец начал разбег.

Эмили и Анна в ужасе наблюдали, как он бросился между ребенком и разъяренным животным, закрыв ребенка от нападения.

Потом все происходило как в замедленной съемке. Жеребец с разбега бросился на Мигеля, тот упал на колени, но продолжал прикрывать мальчика. К тому моменту, когда женщины попали в загон, жеребец ударил Мигеля еще раз, потом отбежал в угол, где остановился, фыркая, потрясая гривой и гарцуя на месте.

Эмили схватила ребенка, Анна взяла Мигеля за руку, и он, шатаясь, пошел за ней.

— Мигель! Ты ранен!

— Ребенок...

Анна оглянулась в ту сторону, где Эмили осматривала сына. Кузина кивнула ей с облегчением.

— С ним все в порядке, Мигель. Но ты, наверное, сильно ранен.

— Я не могу... вздохнуть. Я...

Если бы Анна не поддерживала его, он упал бы прямо в грязь. Анна в отчаянии посмотрела на Эмили.

— Позвони 911!

С Гарленом на руках Эмили поспешила в дом.

— Жеребец... — процедил Мигель сквозь зубы.

— Я позабочусь о нем, — твердо заверила Анна.

Мигель замотал головой, при этом его пальцы впились в ее руку.

— Уходи... немедленно. Он ударит тебя.

Она не могла поверить, что он в таком состоянии продолжает беспокоиться о ней.

— Ты сможешь перелезть через забор? — спросила она.

— Постараюсь, — выдохнул он.

Его бледность и затрудненное дыхание приводили Анну в ужас, она старалась не думать о том, насколько серьезно он мог пострадать. Первым делом надо вытащить его из загона, подальше от опасного жеребца, и вызвать врача.

Казалось, Мигель был на грани обморока. Тем временем жеребец приготовился к новой атаке.

Животному явно не нравилось присутствие посторонних в его загоне. Анна не могла

припомнить, чтобы конь вел себя так агрессивно. Поблизости не было никого, кто мог бы прийти к ним на помощь. Только она могла спасти сейчас Мигеля.

Вдруг она заметила лассо, забытое кем-то на заборе. Сделав петлю, она шаг за шагом начала приближаться к вороному жеребцу, яростно трясущему гривой. При ее приближении он навострил уши, оскалился и снова начал рыть копытами землю. Потом быстро рванулся к ней. Анна в последний момент отступила с дороги, и когда конь промчался мимо, ей представилась возможность накинуть петлю ему на шею.

Несмотря на то что она отчаянно упиралась двумя ногами в землю, рывок был настолько сильным, что она упала на живот. Тем не менее ей удалось не выпустить лассо из рук. Жеребец поволок ее по земле, нейлоновая веревка ободрала руки до крови.

В тот момент, когда Анна почувствовала, что больше не сможет выносить эту боль, жеребец остановился. Она с трудом поднялась на ноги, подошла к забору и привязала веревку к столбу.

Убедившись, что жеребец надежно привязан, она подошла к Мигелю и опустилась рядом с ним на колени. Его лицо приобрело серый оттенок, он едва дышал.

— Мигель! Скоро мы отвезем тебя в больницу, — постаралась ободрить она его.

Он застонал и сделал попытку заговорить:

— Жеребец... Ты... привязала его?..

— Да, дорогой, я вынуждена была это сделать. Он собирался снова напасть.

Мигель пошевелил губами, собираясь сказать ей, какая она храбрая. Еще он хотел сказать, что она спасла ему жизнь. Но у него не хватило сил произнести эти слова.

Тогда он попытался сказать ей это глазами. Наверное, ему удалось, потому что Анна улыбнулась ему. Она что-то говорила, но из-за шума в голове он не разобрал ни слова. Потом почувствовал ее руку на своей щеке, а потом все вокруг померкло.

Глава ВОСЬМАЯ

Когда Мигель очнулся, он почувствовал острую боль во всем теле и сильный запах дезинфекционных препаратов.

С огромным трудом ему удалось поднять тяжелые веки. В комнате царил полумрак, но, когда глаза привыкли, он понял, что находится в больничной палате.

Ему была поставлена капельница, а на прикроватной тумбочке стоял монитор, на котором отмечалось биение его сердца.

Он захотел приподняться, но из-за невыносимой боли застонал и опустился на подушки.

Анна, сидевшая в кресле в дальнем конце комнаты, услышала его стон и поспешила к нему.

— Мигель! Наконец-то ты очнулся. — Она включила бра над его головой.

Мигель посмотрел на нее и понял, что ему хочется видеть только ее лицо. Он попытался сказать что-то, но во рту пересохло так, что поначалу не удавалось выговорить ни слова. Наконец он с трудом произнес:

— Что со мной?

Голос его был хриплый, но Анне показалось, что приятней звука она не слышала никогда в жизни.

— У тебя перелом нескольких ребер. Одно из них повредило легкое. Но доктор говорит, что все будет в порядке.

Анна не стала рассказывать, в каком состоянии его привезли в больницу. У них еще будет много времени поговорить об этом. А сейчас его нельзя волновать.

Мигель силился вспомнить, что же произошло. В памяти смутно всплывали картины трагедии: вот жеребец готовится к атаке, малыш Гарлен плачет где-то в загоне... Анна вцепилась в лассо...

— Как малыш Гарлен?

— С ним все в порядке, благодаря тебе.

От ее ответа он почувствовал облегчение.

— А когда я смогу выйти отсюда?

— Доктор говорит, что через несколько дней. Если процесс выздоровления пойдет нормально.

— Но я не могу провести здесь несколько дней, — сказал он с некоторым раздражением. — У меня полно работы.

— Единственная работа для тебя сейчас — это чтобы срослись твои ребра, — ответила Анна. — А о ранчо не беспокойся, о нем есть кому позаботиться.

Он нахмурился.

— Надеюсь, ты не возьмешь всю заботу на себя?

Она покачала головой и улыбнулась.

— Только часть. Дядя Гарлен поможет мне. Кстати, вся их семья собралась здесь. Они будут рады услышать, что ты пришел в себя.

— Все здесь? Но зачем?

Анну поразило, насколько одинок Мигель. У нее от жалости к нему заныло сердце.

— Потому что они все очень переживают за тебя. А Эмили и Купер хотят поблагодарить тебя за спасение их ребенка.

— Я не...

— Не скромничай, Мигель. Если бы ты не заслонил собой маленького Гарлена, то страшно подумать, что могло бы произойти. Один удар копытом мог бы убить ребенка!

Она промолчала о том, что такой удар чуть не убил его самого.

— Я сделал только то, что сделал бы для собственного ребенка.

«Собственного ребенка». Анна ни на минуту не забывала о сыне Мигеля. Этот двенадцатилетний парень даже не подозревает, какой храбрый у него отец и что он лежит сейчас в больнице с серьезными переломами. От этих печальных мыслей у нее сдавило горло. Сдерживая слезы, она быстро отвернулась, чтобы Мигель ничего не заметил.

— Я знаю. Ты сделал бы это для любого ребенка, — тихо сказала она. — Как ты думаешь, почему вдруг жеребец повел себя так агрессивно? Он живет на ранчо много лет. Конечно, с ним всегда приходилось быть осторожным, но никогда еще он не впадал в такую ярость.

— Иногда трудно бывает понять, что вдруг случается с животными. Большинство жеребцов могут повести себя непредсказуемо. Что случилось с этим, я даже не представляю. Возможно, его испугал плач ребенка.

Анна покачала головой и вздрогнула при ужасном воспоминании.

— Какова бы ни была причина, жеребца продадут на аукционе в пятницу.

Мигель с удивлением посмотрел на нее.

— По чьему разрешению?

— Моей матери. Ей сообщили о произошедшем. Она говорит, что не может допустить даже вероятности повторения этого.

— Жеребец дает такое замечательное потомство... Подумать не могу о том, что его продадут!

— А я не могу подумать о том, что он мог бы сделать с тобой.

Ее слова заставили Мигеля еще раз внимательно посмотреть на нее. Теперь он заметил бледность лица, круги под глазами. Интересно, сколько времени она провела у его постели и что думают по этому поводу ее родственники.

— Он мог убить тебя, Анна! Как вспомню, как он тащил тебя по земле, а ты не выпускала из рук лассо, у меня внутри все цепенеет от ужаса.

— Он мог затоптать тебя или нас обоих.

Она протянула руку и убрала с его лба влажную черную прядь волос. И тут Мигель заметил, что руки ее перебинтованы. Он схватил одну руку и поднес к своим глазам.

— Господи, что творится под этими бинтами, я даже не хочу представить, — угрюмо проговорил он. — Твои руки... как ты теперь будешь играть?

Она прижала палец к его губам.

— С руками все будет в порядке.

А если не будет в порядке, обвинит ли она его в этом? — думал он. Нет. Анна никогда не может обвинить его в подобных вещах. Он начал понимать, что она вовсе не такая эгоистка, какой ему представлялась. Она рисковала собственной жизнью, чтобы спасти его. Этого он не мог понять.

— Если ты из-за меня не сможешь играть, я себе этого не прощу, — взволнованно сказал он, пытаясь сдержать набегавшие слезы.

— Ты слишком много разговариваешь. Тебе надо отдохнуть. Пойду скажу медсестре, что ты пришел в себя. Возможно, тебе надо дать болеутоляющее.

Мигель подумал, что Анна нужна ему гораздо больше, чем какое-то лекарство. Она способна облегчить боль его сердца, которая доставляла ему больше всего беспокойства. Однако он понимал, что, привыкнув к ее присутствию, не сможет в дальнейшем жить без нее.

Анна поднялась, но он поймал ее забинтованные руки в свои.

— Правда, что здесь твои родственники? — спросил он.

Его сомнения повергли ее в такую печаль, что слезы непроизвольно покатились по щекам.

— Да, они здесь. Роуз и Гарлен. Рой и Джастин. Эмили и Купер. Эмили очень беспокоится о твоем здоровье. Она считает себя виноватой в том, что малыш остался без присмотра.

Мигель покачал головой.

— Трудно найти лучшую мать, чем Эмили. Дети могут улизнуть в мгновение ока.

— А ты знаешь, что они с Купером ждут еще ребенка?

— Это хорошо, — сказал он. — Так и должно быть.

Так должно быть и с нами, подумала Анна, но ничего не сказала вслух. Мигелю нужно как следует поправиться, прежде чем она попробует убедить его, что он тоже имеет право на счастье.

К концу недели Мигель настолько окреп, что врачи сочли возможным выписать его из больницы. Но он все еще не мог полностью обслуживать себя. Хло и Виатт решили прервать свой отпуск и вернулись домой. Но Анна сказала об этом Мигелю, только когда они подъехали к ранчо.

— Твои родители вернулись из Южной Америки? Когда? Зачем так беспокоились? Они же были в отпуске!

— Они приехали вчера поздно вечером. Но я так и не поняла, отпуск это был или медовый месяц.

— Что ты хочешь этим сказать?

Анна взглянула на него. Она была рада видеть его снова в джинсах и ковбойских ботинках, а не в больничной пижаме. И хотя под его просторной рубахой скрывалась туго перебинтованная грудь, а лицо было бледным и изможденным, она знала, что он поправляется. Весь тот ужас, который она пережила при мысли, что он может умереть, ей никогда не удастся забыть.

— Я начинаю думать, что мои родители уехали только лишь для того, чтобы дать мне почувствовать ответственность, — сказала она.

— Но что ты получила в результате, кроме искалеченных рук? Они, наверное, сошли с ума, а я и того больше. Зачем я только разрешил тебе переступить порог конюшни?

Анна решила не раздражаться на его высказывания. Она понимала, что таким образом он выражает свою заботу о ней.

— С моими руками ничего серьезного. А теперь и родители дома.

— Ты довольна? Ты взяла все от своего пребывания на ранчо?

Анна не ожидала от него таких колкостей. Ей казалось, что он будет рад возвращению домой. А вместо этого он был как рассерженный шершень, готовый ужалить любого, а в первую очередь ее.

Она глубоко вздохнула.

— Нет, я еще не все взяла. Здесь мои корни, — напомнила она ему. — Мама возьмет на себя лошадей, так что я смогу как следует позаботиться о тебе.

Он резко повернулся к ней.

— Что ты сказала?

Она улыбнулась при виде его испуганного лица.

— Ты прекрасно все слышал.

— Да. Но я надеялся, что ослышался. Я сам могу о себе позаботиться.

— Послушай, Мигель, все прекрасно тебя знают. Твой имидж не пострадает от того, что за тобой несколько дней будет ухаживать женщина.

Анна в его доме... Ее присутствие потом невозможно будет стереть из памяти. Нет, он этого не допустит.

— Мне не нужна никакая женщина! — воскликнул он. — Кроме того, Джастин сказала мне, что твой менеджер настаивает на твоем возвращении.

Анна кисло улыбнулась. Ей не понравилось, что тетка рассказывает Мигелю о ее работе. Ее карьера пианистки уже встала между ними.

— Нет, не сейчас. У меня еще есть время убедиться, что ты окончательно поднялся на ноги, ковбой.

— Я вполне в состоянии добраться самостоятельно до кухни. Так зачем, черт возьми, ты мне нужна?

Анна пыталась убедить себя, что он больной человек, разозлившийся на свое состояние, а не на нее. Тем не менее его слова обидели ее. Больше всего она боялась, что он на самом деле не нуждается в ней, не хочет ее.

— Например, чтобы было на кого кричать, — ответила она, стараясь быть спокойной.

Мигель посмотрел на ее напрягшееся лицо.

— Анна, ты же прекрасно знаешь, что я вовсе не то имел в виду, что сказал. — Он нежно взял ее пальцы в свои и хриплым голосом произнес: — Анна, это же будет... Я не думаю, что мы должны оставаться наедине.

— Почему? Я не стану даже пытаться соблазнить тебя, — пообещала она с улыбкой.

— Будь серьезней, пожалуйста.

— Ты же сам говорил, что у меня нет чувства юмора. Вот я и стараюсь выработать его.

Мигель в отчаянии подумал, что если Анна еще немного побудет с ним, то он не сможет сопротивляться желанию, станет мечтать о том, чтобы она его соблазнила! Он оказался в сложной ситуации. Хло и Виатт могут обидеться, если он отправит ее на ранчо, да и Анна вряд ли послушается. А сможет ли он обойтись без нее? Нет, он пропадет без Анны.

Последнюю неделю она почти круглосуточно была с ним. Мигель понимал, к чему это может привести. Хотел этого и боялся.

Он снова посмотрел на нее, и вновь его сердце переполнилось желаниям.

— Анна, ты не можешь рассчитывать на то, что я буду нежным с тобой. Я вообще не способен на это.

Слабая улыбка тронула ее губы.

— Если я решу уехать от тебя, то найду дорогу.

— Да, я знаю, — пробормотал он.

Всю следующую неделю Мигеля навещали почти беспрерывно. Его помощники на ранчо, родственники Анны, соседи — все приходили пожелать ему скорейшего выздоровления.

Анна видела, насколько трогают его проявления заботы, но в то же время он уставал от них. Он рано ложился спать и просыпался только тогда, когда она утром приносila ему чашку кофе.

— Что ты делаешь в моей спальне? — спросил он, натягивая простыню до самых подмышек.

Анна улыбнулась такой скромности.

— Балую тебя. Но не беспокойся. В привычку это не войдет.

Он приподнялся на подушках и взял у нее из рук чашку дымящегося кофе, следя за ее легкими движениями. На ней было простое хлопчатобумажное платье. Распущенные по плечам волосы были подобны красноватому шелку. Он никогда еще не видел ее такой красивой.

— Какой хороший кофе, — с удивлением произнес он.

Она присела на край кровати и стала смотреть, как он с удовольствием пьет кофе.

От ее близости все его чувства смешались. Ее взгляд скользил по его лицу, шее, плечам.

— Почему ты на меня так смотришь?

На ее щеках появился слабый румянец.

— Хочу убедиться, что с тобой все в порядке.

Мигель уставился в чашку, чувствуя себя ужасно неловко.

— Конечно же, со мной все в порядке. Не надо меня так опекать, я к этому не привык.

— Тебя это нервирует?

Он поднял на нее взгляд.

— Это должно нервировать тебя, Анна.

Она мягко рассмеялась, а он подумал, насколько же она отличается от той женщины, которую он впервые встретил в конюшне несколько недель назад. И эта Анна, которую он только что начал узнавать, действовала на него так, что он не мог перед ней устоять.

— Даже если бы ты захотел заняться со мной любовью, то не смог бы, — смело ответила она.

Мигель резко поднял брови, насмешливо посмотрел на нее прищуренными глазами.

— Ты же никогда не занималась любовью с мужчиной. Откуда ты знаешь, что я не смогу?

Она покраснела.

— Потому что я... ты же сейчас совсем ослаб. А повязка на ребрах вообще не дает тебе свободно двигаться.

Он допил кофе, поставил чашку на прикроватную тумбочку.

— Я уверен, что мы могли бы что-нибудь придумать.

Сердце Анны заколотилось, когда он нежно взял ее за руку.

— Пожалуйста, не смейся надо мной, Мигель, — прошептала она. — Я что угодно стерплю от тебя, только не это.

Он широко раскрытыми глазами смотрел на ее лицо, тонкую шею, линию декольте.

— Я бы хотел посмеяться, Анна. Я бы хотел смотреть на тебя, а потом сказать, что не хочу тебя. Но это ложь.

Когда его рука смело обхватила ее грудь, она застонала от удивления и удовольствия.

— Теперь понимаешь, почему тебе лучше не находиться наедине со мной? — спросил он.

Да, Анна поняла: у него нет сил сдерживаться. И это наполнило ее радостью.

Она наклонилась к нему и обняла руками его лицо.

— Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем ты начнешь доверять мне? — прошептала она.

Он нежно притянул ее к себе и поцеловал. Этот поцелуй был первым после несчастного случая. А Анна так истосковалась по его губам!

Она обняла его за голые плечи и крепко прижалась к нему, стараясь не задеть поврежденные ребра. Но уже через минуту забыла о его ранах. Никакой слабости не ощущалось ни в прикосновении его губ, ни в ласке языка.

Его желание воспламенило Анну, тело жаждало его, жаждало полнее ощутить его жар и силу. Она погладила его руки и плечи, зарылась пальцами в густые волосы.

— Анна! Анна! Если бы ты знала, как я хочу тебя! — воскликнул он.

Его рука проникла под подол платья и начала ласкать ее обнаженное бедро.

— Ты никогда не отдавалась мужчине. Я хочу стать первым твоим мужчиной.

Анна щекой прижалась к его щеке, сердце бешено колотилось, все тело горело как в огне. Никогда в жизни она не ощущала такого желания. Но с Мигелем это было абсолютно нормально. Именно для него она сберегла себя. Он был единственным, кого она любила.

— Ты хочешь меня только сейчас, — с сомнением прошептала она.

— Сейчас и всегда.

Вся дрожа, она откинулась, чтобы посмотреть ему в глаза. Но в их темной глубине не было никакой иронии. Только желание и сожаление.

— Но ты жалеешь об этом, — со слезами проговорила она.

Он застонал при виде ее слез.

— Мне так хотелось бы забыть о том, кто ты. Я бы хотел обнять тебя, заняться с тобой любовью, не думая о том, что будет завтра.

— Люби меня, а завтра само о себе позаботится.

— Любовь... — тихо сказал Мигель. — Я не думаю, что она существует на свете, может быть, я больше не способен ощутить ее.

Она едва заметно покачала головой.

— А как же твой сын? Ты же любишь его.

— Я ведь сказал тебе, что не хочу разговаривать о Карлосе, — жестко бросил он. — Поэтому не пытайся затрагивать эту тему! Но Анна не сдавалась.

— Почему? Я хочу стать частью твоей жизни!

Он помотал головой.

— Эти дни, которые ты провела на ранчо, совершенно ослепили тебя. Ты забыла, что у тебя карьера...

Анна вскочила на ноги со сжатыми кулаками.

— Ты пользуешься моей карьерой как щитом! Ты просто не хочешь признаться, что боишься полюбить меня!

В мгновение ока он схватил ее за запястье и заставил снова сесть на кровать.

— Мигель! Твои ребра! — ахнула она.

— Забудь о моих проклятых ребрах! Ты сама напросилась. И вот получила! — Он резко притянул ее к себе. Анна уперлась руками в его плечи.

— Я хочу, чтобы ты наконец понял, что ослеп именно ты! А вовсе не я.

Легкая усмешка пробежала по его губам.

— Нет. Все-таки именно ты ослеплена, Анна. Раскрой свои глаза. В моей душе глубокие шрамы. И их нанесла женщина. Возможно, я трус, но мне хочется думать, что я не буду больше дураком.

Глаза Анны наполнились слезами.

— Не я нанесла тебе эти раны! Я бы никогда не смогла обидеть тебя. Но если ты не понял этого до сих пор... то вряд ли когда-нибудь поймешь.

Вид ее слез заставил его сердце сжаться. Она была подобна прекрасному ангелу. Вынудить ее плакать — значит совершить ужасный грех. Но он должен быть жестоким ради ее же блага. Сейчас она этого не понимает, но когда-нибудь обязательно поймет, печально подумал Мигель.

Он нежно стер слезы с ее щек.

— Анна, — мягко проговорил он, — я понимаю, что нарочно ты никогда не обидишь меня. Сейчас ты думаешь, что мы можем пожениться и жить как в раю. Но так не будет. Мы слишком разные люди.

— Если ты опять имеешь в виду мою карьеру...

— Конечно, я имею в виду именно это! И я должен быть честным перед тобой, Анна. Я эгоист. Если бы ты была моей женой, я не отпускал бы тебя от себя. Не разрешал бы играть толпам людей. И тебе бы очень скоро это надоело.

Она покачала головой.

— Я больше не хочу играть перед толпой.

— Это ты так думаешь. — Его глаза потеплели, и он нежно погладил ее по обнаженному плечу. — Ты молода. Сейчас в тебе происходит борьба между сердцем и разумом.

Но позже ты поймешь, что именно тебе нужно, и это окажусь не я.

С тяжелым вздохом Анна поднялась с кровати и подошла к окну, из которого открывался вид на гору. Эта гора так похожа на Мигеля, подумала она. Суровая, неприступная и тем не менее прекрасная.

Слезы снова полились из ее глаз, но она даже не заметила этого, настолько была поглощена своими мыслями.

— Почему ты считаешь, что ты прав, Мигель? Ты обладаешь ясновидением?

Она услышала, как скрипнул матрац, и ощутила горячее дыхание у своего лица. Он заключил ее в объятия, и она вся вспыхнула, когда его обнаженные ноги коснулись ее ног.

— Я гораздо старше тебя, Анна.

— Года не всегда приносят людям мудрость. — Она обняла его. — Когда тебя разлучили с сыном, ты перестал верить, что однажды снова будешь счастлив. Но мы можем быть счастливы, Мигель. У нас будут дети, и мы можем взять Карлоса в свою семью.

— У Карлоса теперь есть семья.

— Но ведь его отец ты. Ты нужен ему.

— Это в тебе говорит твоя романтическая натура. Но на самом деле у Карлоса есть все, что ему нужно. Богатый дом, самая лучшая частная школа, мать и отчим. Нет, ему вовсе не надо, чтобы мы вмешивались в его жизнь.

Анна хотела возразить, но он быстро отошел от нее, взял джинсы с кровати и поспешно натянул их. С каждым днем его здоровье укрепляется, подумала она, скоро ему вообще не нужен будет никакой уход. Она с ужасом представила себе, как он скажет ей об этом. Надо что-то придумать, чтобы переубедить его, заставить понять, что они созданы друг для друга.

Надевая рубашку, Мигель оглянулся и, видимо, что-то прочел на ее лице. Ему потребовалось собрать все свои силы, чтобы тут же не уложить ее в постель.

— Ты подготовила завтрак? — хрипло спросил он.

— Да. — Она подошла и помогла ему надеть рубашку, потом медленно застегнула пуговицы.

Когда она закончила, он поднес ее руки к губам и поцеловал палец за пальцем. Она закрыла глаза, наслаждаясь нежной лаской.

— Тогда пора завтракать и приходить в себя, — сказал он.

Анна пошла вслед за ним на кухню, но во время еды ее мысли так и оставались в спальне, она вновь и вновь ощущала вкус его губ, нежное прикосновение рук на своей груди и бедрах. Когда она посмотрела на него, то в темной глубине глаз прочитала те же самые мысли.

Глава ДЕВЯТАЯ

— Ты любишь его. Я это вижу по твоим глазам. Слышу в твоем голосе каждый раз, когда ты упоминаешь о нем, — говорила Хло дочери. — Так что ты собираешься делать?

Анна с матерью сидели на веранде дома Мигеля, ловя последние лучи заходящего солнца. Анна резко вскинула голову и с удивлением посмотрела на мать.

— Откуда ты знаешь?..

Мягкий смех Хло прервал ее слова.

— Я же твоя мать, дорогая. Когда у тебя будут дети, ты поймешь, что я имею в виду.

Анна застонала и запустила пальцы в волосы. Последние несколько дней, которые она провела здесь с Мигелем, были адом и раем одновременно. Находиться рядом с ним оказалось таким блаженством, которое невозможно описать. И мысль, что это скоро кончится, рвала ее сердце на части. Она не смогла убедить его в том, что их судьба — быть вместе.

— Похоже, что у меня никогда не будет детей, мама. Мигель не хочет иметь со мной ничего общего, — угрюмо призналась она. — А я не представляю себя ни с кем, кроме него.

Хло задумчиво барабанила пальцами по ручке кресла.

— До того как мы уехали в Южную Америку, ты мне рассказывала, что он поцеловал тебя. Не сказала бы, что Мигель не хочет иметь с тобой ничего общего.

Анна устало вздохнула.

— Ох, мама, он меня целовал много раз. Это для него абсолютно ничего не значит.

Хло удивленно изогнула брови.

— Правда? Я никогда не считала его легкомысленным человеком.

— Он не легкомысленный!

— Ты же сама только что сказала, что он не придает никакого значения поцелуям.

— Да, но Мигель... — Анна остановилась и от расстройства даже застонала. — Ты ничего не понимаешь. Просто он не доверяет женщинам. А мне в первую очередь.

— Почему же в первую? Ты рассказала ему про Скотта, и он решил, что ты отыгрываешься на нем?

— Он знает о моей расторгнутой помолвке, но дело не в этом. Его бывшая жена... ну, она из очень богатой семьи. Избалованная, эгоистичная женщина, она никогда не относилась серьезно к их браку. Даже не хотела рожать ребенка. А потом развелась с Мигелем и забрала сына. Сначала он боролся за опекунство, но потом понял, что бесполезно бороться против денег и могущества. Так что сын растет без него.

— Какой ужас!

— Да. И он боится, что я тоже могу так поступить.

— Анна! Он не может так думать о тебе. Ты не способна доставить человеку столько боли.

Анна встала и начала беспокойно ходить по комнате. Хло тревожным взглядом следила за дочерью.

— Он не думает, что я сделаю то же самое, — сказала ей Анна. — Но считает, что я слишком молода и еще не знаю, что мне надо в жизни, — добавила она с горечью.

— Надеюсь, ты сейчас не думаешь о Бе-линде? — спросила Хло.

Анна виновато взглянула на мать.

— Иногда я не могу не думать о ней. Вообще у меня в голове все перепуталось. Еще и Скотт! В последнее время я не могу ни есть, ни спать.

— Сейчас ты переживаешь тяжелое время в личной жизни. Не думай, что ты в чем-то похожа на родную мать. Она была наркоманка!

— Я знаю, — кивнула Анна. — Но посмотри, на кого я похожа сейчас. Ничем не лучше. Влюбилась в человека, который не хочет иметь со мной ничего общего!

— Он не позволяет себе влюбиться, дорогая. Так иногда бывает. Но надейся на лучшее. Я всегда считала, что мы с папой хорошо воспитали тебя.

— Иногда мне кажется, что я нравлюсь Мигелю. Но он считает, что моя музыка стоит между нами.

— А что с музыкой, Анна? Ты отдала ей слишком много, чтобы бросить заниматься ею.

— А что бы сказали вы с папой, если бы я бросила музыку? — Анна подошла к креслу матери и посмотрела ей в лицо.

Хло неожиданно улыбнулась, глядя на дочь.

— Наверное, ты прекрасно знаешь, чего хочешь, не так ли? Это не зависит от того, что думаем мы с папой. Твое сердце уже все решило за тебя.

Анна опустилась на колени перед матерью, схватила ее руки в свои. На ее ладонях еще были небольшие раны от лассо, но скоро все пройдет. Тогда ничто не могло бы помешать музыкальной карьере, если бы Анна хотела продолжать ее. Помешать может только ее сердце. А сердце принадлежит Мигелю.

— Мама, со Скоттом я была такая наивная! Мне казалось, что я могла бы и карьеру продолжать, и женой его стать, и иметь детей. Мне казалось, что все будут счастливы. Но когда я влюбилась в Мигеля, я поняла, что на самом деле важнее всего.

Хло понимающе улыбнулась.

— Мне почему-то представлялось, что Мигель именно так повлияет на тебя.

— Так вот почему вы с папой уехали так надолго? Вы хотели, чтобы мы побывли тут вдвоем...

У Хло был виноватый вид.

— Мы подумали, что ничего плохого не случится, если мы подтолкнем вас друг к другу. А нам было очень хорошо вдвоем. Но кажется ли тебе, что лучше поговорить обо всем этом с Мигелем, а не со мной? Если он будет знать, насколько ты уверена...

Анна всплеснула руками и поднялась.

— Я уже говорила ему об этом. Но он думает, что я мечтаю выступать в Нью-Йорке или Чикаго с большим симфоническим оркестром! Мигель недостаточно сказать о своих чувствах, мама. Их надо ему продемонстрировать. А как — я не знаю.

Она снова уселась в кресло и посмотрела на мать.

— А ты знаешь что-нибудь о сыне Мигеля?

— Кое-что. Он говорил о нем всего лишь несколько раз, — сказала Хло.

— Он с ним никогда не видится?

— Нет. Мальчик живет в Техасе. Когда Карлос был маленьким, Мигель ездил туда, чтобы повидаться с ним. А потом встречи стали все реже и реже, а вскоре прекратились. Мне кажется, Мигель очень переживает, что у Карлоса теперь другой отец. Он никогда не был уверен в том, что может дать мальчику больше того, что у него есть.

— Но это же ерунда.

— Да. Но как ни странно, он отдалился от мальчика именно из-за любви к нему.

— Я тоже так считаю, — сказала Анна, погружаясь в глубокое раздумье.

— Вообще-то я могу позвонить сестре Мигеля в Колорадо и попросить адрес Карлоса. Если ты, конечно, хочешь, — добавила Хло.

Анна с сомнением посмотрела на мать.

— Мигель придет в ярость.

— Или будет благодарен. Анна вздохнула.

— Я только хочу, чтобы он был счастлив. Звук мотора заставил Хло повернуть голову.

— Тогда, я думаю, этот визитер тебе совершенно неинтересен, — сказала она.

При звуке приближающегося автомобиля Мигель отложил газету и выглянул в окно. Что, черт возьми, понадобилось Далтону в этом доме? Увидев, что молодой доктор вышел из машины и направился к двум женщинам на веранде, он тихо выругался.

Если бы здесь не было Хло, он бы велел ему ехать на пастбище. Но Хло изредка прибегала к помощи Далтона, к тому же он не имел никакого права диктовать Анне, с кем ей разговаривать.

Но минуты шли, а гость, вероятно, не собирался уходить. Мигель чувствовал, как закипает в нем кровь. К тому моменту, когда Далтон сел в грузовик, а Хло следом поехала на своем автомобиле, он был уже в ярости.

Анна зашла с веранды в дом, Мигель встретил ее в дверях.

— Хорошо поговорила с молодым доктором?

В последние дни Мигель часто бывал раздражителен, но не до такой степени.

— Не особенно! Он приехал не ко мне. Доктор сообщил Хло, что ее лошадь здорова и можно продолжать тренировки.

Анна обошла Мигеля и направилась на кухню. Он по пятам следовал за ней.

— Это можно было сказать за одну минуту, а вы разговаривали целых тридцать!

Она надменно подняла брови и взглянула на него через плечо.

— Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать?

— Не морочь мне голову!

— Мигель, ты и вправду стал очень раздражительным. То ты говоришь мне, что не хочешь иметь со мной ничего общего, то приходишь в ярость оттого, что я разговариваю с другим мужчиной. Ты ведешь себя как... ненормальный.

Неудивительно, подумал Мигель. При каждом взгляде на нее он испытывал желание. Постоянно боролся с собой, чтобы держаться от нее на расстоянии. Эта борьба истощила его нервную систему.

Он сильно схватил ее за руку, так что она даже вскрикнула.

— Чего же ты ждешь от меня, Анна? Я ведь живой человек!

— Но подумай обо мне, Мигель! Сколько раз ты меня отталкивал? Возможно, когда в следующий раз доктор куда-нибудь пригласит меня, я пойду с ним!

Его глаза зло сверкнули.

— Так он тебя приглашал!

Анна не хотела лгать даже ради его спокойствия. И вообще, пусть знает правду. Он не хочет открывать ни сердце, ни глаза. Не хочет верить в ее любовь.

— Да, в кино.

— Подонок!

— А ты кто, Мигель? Он по крайней мере не притворяется.

Этого Мигель не мог вынести. Его чувства к ней были слишком глубоки.

— Так ты думаешь, что я притворяюсь? — сквозь зубы спросил он.

Она не отвела глаз.

— Нельзя сказать, что ты всегда честен.

Вместо ответа он неожиданно привлек ее к себе и обнял. Каждая клеточка его напрягшегося тела говорила ей о том, как она нужна ему.

— Что это ты делаешь со мной? — хрипло прошептал он. — Зачем заставляешь меня любить тебя?

— Ты же не любишь меня, — ответила она.

— Что ты понимаешь в этом, Анна? Ты же еще девственна!

— Это не преступление! Секс и любовь — разные вещи.

У него тряслись губы.

— Откуда ты знаешь? Может быть, нам стоит проверить, как ты любишь меня?

Анна хотела ответить ему, но внезапно он губами закрыл ее рот. Она протестующе застонала и попыталась оттолкнуть его.

В ответ Мигель так крепко прижал ее к себе, что все ее мысли улетучились. Ничто уже не имело никакого значения, кроме того, что он обнимает и целует ее.

Она не заметила, как они оказались у дверей его спальни. Следующее, что она ощутила, — это край кровати. Они упали на нее, и их губы наконец разъединились.

— Мигель, твои ребра!

— Сейчас мне все равно, даже если я вообще перестану дышать.

Страсть в его голосе была такой же сильной, как и ласка. Со стоном она обвила его шею. Его теплые губы слегка касались ее уха, потом переместились туда, где трепетало ее сердце. Она изогнулась, молча умоляя его стать ближе.

Дрожащими пальцами Мигель расстегнул пуговицы шелковой блузки. У него захватило дух, когда он увидел ее полную грудь, едва прикрытую бледно-розовыми кружевами. Он со стоном опустил голову между мягкими возвышеностями.

Анна ногами обвила его ноги, пальцы зарылись в его волосы. Мгновенно дыхание их участилось, глаза загорелись жарким огнем. Ее розовые соски были подобны бутонам, готовым распуститься под поцелуями. И он не смог отказать ни себе, ни ей.

Анна сжимала его плечи с силой, выдававшей ее желание.

— Я хочу любить тебя, Мигель. Что еще надо сказать или сделать, чтобы ты поверил мне?

Она любит его! Нет, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Он не может разрешить себе поверить в это даже на несколько мгновений. Его сердце не выдержит.

Мигель медленно поднял голову и хмуро посмотрел на нее. На лице Анны отразилась такая печаль, что ему стало невыносимо жалко ее. Но иначе нельзя. Иначе их обоих постигнет еще большее горе. Он оторвался от нее.

— Ничего не поделаешь... Собирай свои вещи и возвращайся на ранчо. Сейчас же.

— Почему?

— Потому что это было бы ошибкой, Анна.

— Ошибкой? Для тебя это ошибка? — вскричала она.

— Текила тоже доставляет удовольствие, но это не значит, что она полезна.

Анна, забыв о том, что почти раздета, вскочила с кровати.

— Ты грубый и злой человек! Если бы у тебя не были сломаны ребра, с каким удовольствием я бы влепила тебе пощечину!

— Пусть тебя это не останавливает.

От ярости она было замахнулась, но вовремя остановилась. Взглянув на его окаменевшее лицо, она поняла, что он провоцирует ее. Хочет, чтобы она разозлилась, чтобы не оставалось никаких шансов для любви.

Анна опустила руки, закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и прийти в себя. Если он так настроен отстранить ее от себя, то бесполезно с ним бороться.. Она не может заставить его любить себя.

— Ну, в чем дело? — спросил Мигель. — Боишься причинить мне боль?

Она быстро отвернулась и дрожащими пальцами начала застегивать блузку.

— Нет. Я решила, что ты прав. Ты не хочешь, чтобы я оставалась здесь, ну что ж... я не собираюсь больше навязываться тебе. Ты уже почти здоров. А я тебя только раздражаю.

Так и не взглянув на него, Анна поспешила из комнаты. В спальне она начала складывать

вещи в дорожную сумку. Слезы градом катились у нее по щекам. Раздался осторожный стук, потом послышался звук открываемой двери. Она прекратила складывать вещи, но не повернулась к нему. Боялась, что не выдержит боли, когда посмотрит ему в лицо.

— Куда ты собралась? — тихо спросил он.

— На ранчо. — Она говорила спокойно, стараясь голосом не выдать душившие ее слезы. — Но это не твое дело.

— Ты права. Не мое.

Больше ей ничего было добавить, спустя минуту она услышала его удаляющиеся шаги.

Силы оставили ее, она упала на кровать и разрыдалась.

Прошла неделя.

Войдя в кабинет матери, Анна устало опустилась на диван. Хло, сидевшая за дубовым письменным столом, подняла на нее глаза.

— Ну как, заплатила доктору?

Анна так и не поняла, зачем мать отправила ее в город. Можно было послать Далтону чек по почте. Но Хло настояла на том, чтобы Анна отвезла чек сама.

— Не называй его доктором. Я думаю, что Мигель был прав, назвав его Ромео, переодетым в ветеринара.

Хло едва сдержала улыбку.

— А в чем дело? Он опять пригласил тебя на свидание?

— Ну да! Я еле вырвалась от него.

— Так ты должна быть польщена. Далтон здесь считается завидным женихом. Почему ты отказываешь ему в свидании?

— Потому что он мне не нравится.

— Подумаешь, можно просто так сходить с ним в кино или ресторан.

— У меня будет плохое настроение.

Хло вздохнула.

— А сейчас что? Я не помню, когда последний раз видела улыбку у тебя на лице.

Анна прижала пальцы к пульсирующим вискам. Она не хотела обидеть своим отказом ветеринара. Но когда Далтон пытался флиртовать с ней, перед ее глазами все время стоял Мигель. Она как бы заново ощущала то удовольствие, которое доставляли ей его запах, прикосновение рук. Ни один человек никогда не сможет заменить его.

— Я не знала, что такое боль, пока Мигель не отверг меня.

Хло сняла очки, положила их на стол, потом пристально посмотрела на дочь.

— Тогда поезжай и поговори с ним еще раз. Прошла неделя с тех пор, как вы расстались. Возможно, он пересмотрел свои взгляды.

Анна вздохнула.

— Если это так, почему он сам не приехал, чтобы сказать мне об этом?

— Но он же не может водить машину, — ответила Хло.

— У него есть сотовый телефон. Мог бы просто позвонить мне. Но он же этого не сделал, — в отчаянии сказала Анна.

— Ты права, — вынуждена была согласиться Хло. Потом побарабанила пальцами по столу и добавила: — Тогда прими ухаживания Далтона, сходи с ним на свидание. Это заставит Мигеля задуматься.

Анна встала с дивана, подошла к матери и села на край стола.

— Я не хочу, чтобы он пришел ко мне из ревности. Я никогда не совершу ничего такого в отношении его!

— Тогда придумай что-нибудь сама, что бы заставило его вспомнить о тебе.

Анна в отчаянии подняла глаза к потолку.

— А ты бы что сделала на моем месте? Как у тебя было, когда ты влюбилась в папу?

— Ну, у нас все было по-другому, Анна. Это я все время отвергала его ухаживания. Я до смерти испугалась тогда, потому что мы с Виаттом были очень разные. Я была уверена, что он бросит меня через несколько месяцев.

В глазах Анны сверкнула надежда.

— Точно то же самое Мигель думает обо мне! Так почему же в конце концов ты решила, что все будет хорошо?

Хло улыбнулась приятным воспоминаниям.

— Когда я поняла, какой длинный путь проделывает Виатт, чтобы только увидеть меня, я поверила, что он по-настоящему меня любит.

Анна молча обдумывала слова матери. Встав и обойдя вокруг стола, Хло взяла дочь за руку.

— О чем ты думаешь, дорогая? Что собираешься делать?

Анна подняла голову и неуверенно улыбнулась.

— Я еду в Техас. Если вдруг Мигель спросит обо мне, не говори ему, куда я поехала.

Доктор, осмотрев Мигеля, сказал, что ему нужно еще неделю побывать дома.

Хорошо хоть разрешил водить машину. Иначе Мигель больше не выдержал бы. После того как уехала Анна, жизнь превратилась в сплошной кошмар. Он пытался читать, смотреть телевизор, слушать радио, но думал только о ней.

Он боролся с собой, чтобы не позвонить. Иначе потом опять пришлось бы переживать ее отъезд.

Лучше забыть о ней. Когда Анна поймет, что вместе им не быть, она вернется к своей карьере. Так должно быть.

Во дворе ранчо было тихо и пустынно. Только сейчас он понял, как скучал без работы. Ковбою быстро надоедает крыша над головой, он привык, чтобы над ним сияло солнце. Хло сейчас, наверное, в доме, хорошо бы поговорить с ней. Ей надо знать, когда он приступит к работе и можно будет отпустить Гарлена домой.

Мигель был уверен, что встретит Анну, но ее нигде не было видно.

— Мигель! Как чудесно снова видеть вас здесь! — воскликнула Хло, когда он вошел к ней в комнату. — Мы уже соскучились!

Он застенчиво улыбнулся.

— Извините, что подвел вас. Но доктор говорит, что через неделю я смогу приступить к работе.

— Я очень рада. Не только тому, что возвращается мой помощник, но и тому, что вы поправляетесь. Мы все очень беспокоились за вас. А Эмили и Купер никогда не забудут, как вы спасли их сына. И никто из нас этого не забудет.

— Вы придаете этому слишком большое значение. А где ковбои? Что-то никого не видно.

— Они выгоняют скот.

Мигель кивнул, потом оглянулся вокруг.

— А... где Анна? Она помогает вам с лошадьми?

Хло скрестила на груди руки.

— Нет. Анна уехала. Несколько дней назад.

— Уехала? Куда? — Он понимающе кивнул. — Ну конечно, карьера...

Хло покачала головой.

— Не думаю, что Анна вернется к карьере музыканта. Так она и сказала своему менеджеру.

— Глупая девчонка! Разве она не понимает, от чего отказывается?

— Деньги и слава не всегда приносят счастье, Мигель. А мы с Виаттом хотим для нашей

дочери только счастья. А что это будет, музыка или дети, ей выбирать.

«Дети», — подумал про себя Мигель. Когда он говорил с ней о своем сыне Карлосе, Анна сказала, что у них могли бы быть свои дети. Но он отверг ее. Он намекнул ей, чтобы она уходила и завела детей с кем-нибудь еще!

— Но если Анна не собирается возвращаться к музыке, то куда она поехала?

Хло отвела взгляд.

— Я... точно не знаю. Может быть, в Руидозо. Она не сказала.

Мигель нахмурился от этого уклончивого ответа.

— Не сказала? И вы позволили ей уехать, не спросив даже, куда она едет!

Хло пожала плечами.

— Анна взрослая женщина. Ей захотелось побывать одной. Она больше не должна спрашивать разрешения у родителей. И потом... вас же это не интересует.

Конечно! Он просыпается с мыслью о ней. Он хочет, чтобы она была счастлива. Он хочет ей самого хорошего. Он любит ее!

— Она уехала с Далтоном! Вот почему вы не рассказываете мне.

— Я ничего не знаю. Он приглашал ее пойти куда-нибудь. Возможно, она и подумала, что несколько дней с ним поднимут ей настроение.

— Вы с ума сошли, Хло! — вскричал Мигель. — Вы же знаете, что он за человек! Он использует ее, а потом, когда она ему надоест, бросит!

Хло отвернулась и пошла к своему столу, обронив на ходу как можно спокойнее:

— Анна должна стать взрослой и сама кое-чему научиться. Если с ней и произойдет неприятность, что ж! Вы, Мигель, знаете так же хорошо, как и я, что такое жизнь.

— Это вы так смотрите на жизнь, Хло, но я не могу. Я еду за ней. Я не позволю негодяю Далтону наложить на нее лапу. А если он это уже сделал, убью его!

Он застучал сапогами к выходу. Хло бросилась за ним.

— Мигель! Подождите!

Догнать его она сумела уже на выходе. Но он не остановился.

— Даже не пытайтесь удержать меня, Хло. Все равно не сможете.

— Но вы не знаете, где она.

— Начну с секретарши Далтона. Она наверняка знает, где он.

— Мигель, но я жду, что она вернется сегодня. Если не сможет вернуться, сегодня вечером позвонит. Почему бы вам сейчас не поехать домой, а я сразу же сообщу вам, как только что-нибудь узнаю.

Мигель взглянул на часы.

— Сейчас уже четыре. Поеду соберу кое-какие вещи. Если до пяти она не позвонит, я поеду.

Хло кивнула, моля в душе, чтобы Анна поскорее приехала.

Мигель бросил несколько вещей в спортивную сумку и начал бесцельно бродить из комнаты в комнату.

Если Анна действительно проводит время с Далтоном, он никогда себе этого не простит. Отвергнув Анну, он нанес ей оскорбление. Она так молода и невинна, что вполне могла броситься к Далтону за утешением.

«Разве это твоя проблема? — говорил ему внутренний голос. — Тебе же не нужна была ее любовь. Ты отверг ее, потому что боялся полюбить. Боялся потерять ее и, возможно, еще одного своего ребенка».

Мучительно застонав, Мигель вышел на террасу и посмотрел в сторону гор. Анне так нравилась эта скала. И это ранчо. Здесь ее дом, ее корни. Но он высмеял ее мечту — остаться здесь навсегда. Боялся, что если она останется, то он привяжется к ней на всю жизнь.

И вот теперь она уехала. Неужели он потерял ее навсегда?

— Мигель! Мигель! Ты здесь?

Голос Анны! Выбежав из дома, Мигель остановился как вкопанный. Анна стояла во дворе и прижимала к себе мальчика. Черноволосого мальчика, так удивительно похожего на него самого!

— Карлос!

Услышав свое имя, мальчик шагнул вперед, выжидательно глядя на своего отца. Мигель раскрыл объятия, и ему показалось, что хор ангелов запел у него над головой, когда Карлос подбежал к нему и обнял за талию.

Мигель прижал к себе сына и, слишком взволнованный, чтобы говорить, похлопал его по спине.

— Карлос, как ты сюда попал? — произнес он наконец, проглотив комок в горле.

Карлос улыбнулся и кивнул в сторону Анны.

— Это она привезла меня сюда. Она очень хорошая. Сначала я не хотел ехать. Боялся, что ты рассердишься. Но Анна уговорила меня.

— Почему я должен сердиться?

Голова Карлоса опустилась.

— Я не думал, что ты вообще хочешь меня видеть. Ты перестал писать и приезжать ко мне в Техас, — пробормотал он.

— Дорогой, это же вовсе не потому, что я не хотел видеть тебя. Я думал, что мне лучше не вмешиваться в твою жизнь. Я не смел надеяться, что нужен тебе.

Мальчик покачал головой.

— Ты мой отец, — сказал он так, как говорят о самом дорогом на свете.

Мигель молча прижал его к своей груди. Позже он расскажет сыну, как любит его. А сейчас ему достаточно, что он здесь, рядом с ним.

Анна наблюдала за ними. Мигель поднял голову, их глаза встретились. Все теперь будет хорошо. Он никогда не отпустит ее от себя.

— Ты это сделала для меня, — сказал он. — Откуда ты узнала, где его искать?

— От твоей сестры.

— А я боялся, что ты уехала с Далтоном.

Анна застонала.

— Мама ответит за это.

Улыбнувшись, он покачал головой.

— Нет. Я рад, что она сбила меня с толку. Теперь я понял, какой был бы дурак, если бы позволил другому мужчине завоевать твою любовь.

— Этого никогда не случилось бы, Мигель.

Продолжая обнимать сына, Мигель подошел к ней и другой рукой прижал ее к себе.

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Только при одном условии, — сказала она, улыбаясь Карлосу.

— При любом, — сразу согласился он. — Моя жизнь без тебя будет кошмаром. Теперь я это точно знаю.

— Мое условие: Карлос будет членом нашей семьи.

— По-другому и быть не может, — ответил Мигель, взглянув на сына. — А ты как думаешь? — спросил он его.

Карлос улыбнулся.

— Я думаю, что ты должен поцеловать ее.

Мигель хмыкнул.

— Ты абсолютно прав. Повернувшись к Анне, он поцеловал ее с любовью и надеждой.

Кровать возле него была пустой, простыня холодной. Мигель сел и огляделся. Анны нигде не было.

Одевшись, он подошел к открытому окну. Анна стояла на берегу. Солнце только появилось из-за горизонта, отбрасывая розовые и желтые лучи на небо и воду. Но фоне этих лучей вырисовывалась стройная фигурка с развевающимися на ветру рыжими кудрями.

У Мигеля захватило дух: какое же счастье — это моя жена!

Он выскочил из дома. Звук его шагов скрадывался шумом океанского прибоя. Когда он обнял ее за талию, она вскрикнула от неожиданности.

— Мигель! А я думала, что ты спишь.

Он откинул волосы с ее шеи и нежно поцеловал.

— Как я могу спать, когда тебя нет рядом? Анна мягко рассмеялась и обняла его.

— У нас только вчера была первая брачная ночь. Когда же ты успел привыкнуть ко мне?

Он зарылся лицом в ее волосы, вдыхая нежный запах гардении. Вчера ночью она отдалась ему с такой нежностью и страстью, что воспоминание об этом даже сейчас обожгло его как огнем. Теперь она была его женщиной в полном смысле этого слова. И он никуда и никогда не отпустит ее.

— Я ничего прекраснее не видел, чем наша свадьба, — сказал он. — Церковь, полная свечей и цветов, ты в белом платье... Как приятно было видеть всю твою семью! Надеюсь, что все так же счастливы, как и мы.

— А мы ведь счастливы, не так ли? — Она поднесла его руку к своему лицу.

— Я не помню, чтобы был так счастлив. И Карлос с нами! Просто не верится.

Анна улыбнулась.

— Он был такой красивый в день свадьбы! Очень похож на своего отца. И я очень рада, что Чарлин тоже приехала. Ты знаешь, когда я разговаривала с ней в Техасе, она сказала, что чувствует себя виноватой перед тобой. И я верю, она говорила это искренне. Мне кажется, она готова уладить все миром.

— Да. То, что она согласилась на равное со мной опекунство, свидетельствует об этом. Теперь Карлос летом сможет жить с нами и еще приезжать на рождественские каникулы. — Он поцеловал ее и прошептал: — И все это благодаря тебе, дорогая. Если бы ты не вошла в мою жизнь, я бы так и изнывал от тоски и горечи.

— А если бы ты не вошел в мою жизнь, я бы продолжала проклинать всех мужчин на свете. Он засмеялся, подхватил ее на руки и понес к дому.

— Мигель! Куда ты меня несешь? Я хотела посмотреть восход!

— Пора работать.

— Но ведь у нас медовый месяц! — воскликнула Анна.

— Вот именно. Карлос просит сестру или брата. Я не могу разочаровать его. Она поцеловала его в шею.

— В таком случае я думаю, что восход может подождать.